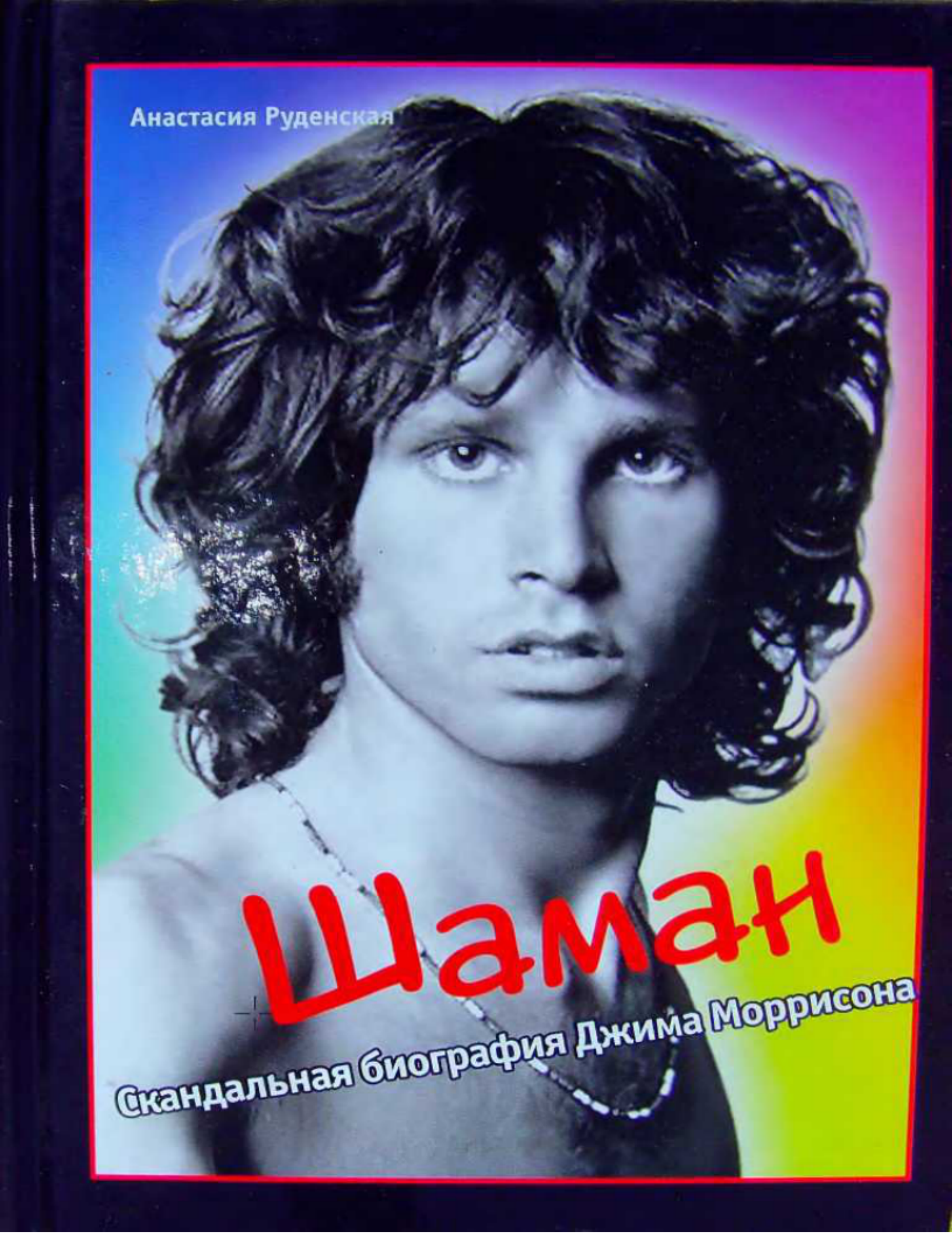


Анастасия Руденская
Шаман
Скандальная биография Джима Моррисона

Annotation

Джим был первым. В своем призыве к поколению 60-х «творить будущее». В своей бесшабашности и смелости. В своей нещадной борьбе с комплексами общества, наконец. Он был похож на пламя — манил, обжигал, горел ярко, быстро и дотла. Он поселил огонь в сердцах миллионов. Бунтарь и провокатор, революционер и шаман, Король Ящерица, поэт и просто романтик, он пришел в этот мир, чтобы донести до нас слова Великой Истины.

-
- Вниз по дороге смерти
- Наследник
- Предчувствие
- Срыв
- Ноги моей здесь больше не будет!
- Судьбоносная встреча
- Память
- Куда приводят мечты
- Moonlight drive
- Выход есть
- Бесконечный путь
- Распахнутые двери
- Sex, drugs, rock-n-roll & эйфория
- Самый легкий способ самоубийства
- Порыв ветра
- Солнечная Фея
- Искусственная феерия
- Дыхание мира
- Когда умолк звон бокалов
- Пинок вместо оваций
- Как первый секс, как вечный кайф
- Широко известен в узких кругах
- Кружиться пол музыку в медленном танце
- Зов
- Песня Шамана
- Мертвое детство
- Отречение
- Манипулятор
- Волна звериной агрессии
- Падение
- Далеко пойдешь, парень!

- Поиски места пол солнцем
- Его Величество Случай
- Меня зовут Ротшильд
- Полеты наяву
- Царь Эдип и Король-Ящерица
- Вперед и только вперед!
- На взлетной полосе
- Мои родители погибли в автокатастрофе
- Верхом на урагане
- Живи ярко, умри быстро
- Опьянение
- Счастье
- Тайна
- Репетиция смерти
- Дурацкая шутка
- До последнего вздоха
- Light my fire
- Колдовство
- Триумф
- Дверь в никуда
- Помешательство
- Молодой дьявол
- Кокаиновое знакомство
- Маленькая смерть
- Мое имя — Шаман
- Шрам на сердце
- Ангел и чертенок, волшебница и ведьма
- Карусель
- Шум и ярость
- Прогулки над бездной
- Высшая добродетель
- Не пытайся дотронуться до неба
- Мы любим Дорз!
- Даешь беспредел!
- Опасен для общества
- Ведьмино логово
- Влюбленный в Пер-Лашез
- Продай мне свою душу
- Иконоборец и бунтарь
- Заговоренный
- Поэзия и смерть
- Ритуальный танец
- Узы крови
- Первое предупреждение

- Заложники жизни
- Мужик из Зазеркалья
- Последняя нота
- This is the end
- Господи, помоги мне!!!
- Письмо с другой стороны Луны
- Последнее прощание
- Вперед к новой жизни
- Мертвая петля
- Джеймс Дуглас. Дуглас Джеймс
- Ночной звонок
- Могила с окнами
- Последняя запись Джима
- Через две недели
- Призрак
- Одно счастливое утро
- Каждый день как последний
- Вперед в прошлое
- Шаги по лезвию
- Быстрый и мертвый
- О том, что было после
- Мечты сбываются!
- Никто не уйдёт живым
- Ныне, присно и во веки веков

Материал, изложенный в данной книге, многократно проверен. Но, поскольку вероятность технических ошибок все равно остается, издательство не может гарантировать абсолютную точность и правильность приводимых сведений. В связи с этим издательство не несет ответственности за возможный ущерб любого вида, связанный с применением содержащихся здесь сведений.

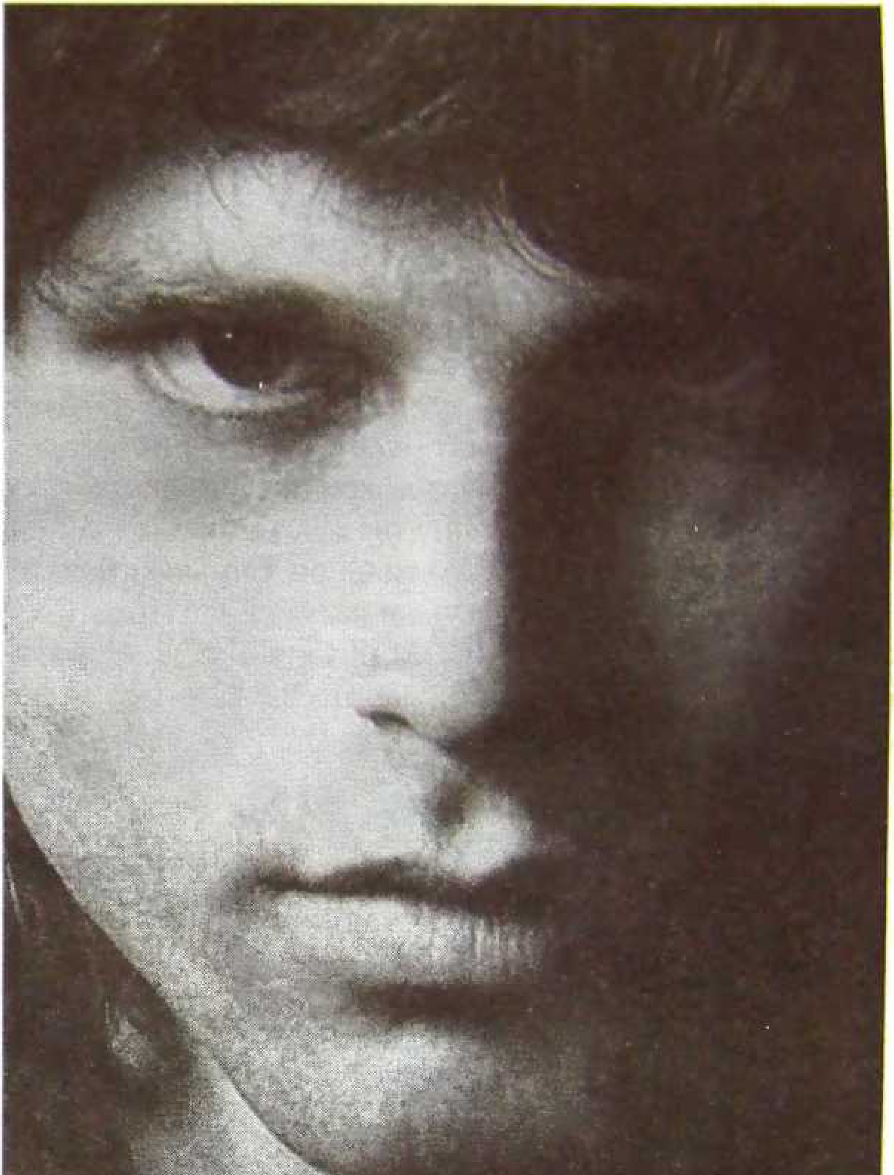
Я пришел, чтобы
сказать слова
Великой Истины...

Вниз по дороге смерти

Я ничего не видел: только странные красные пятна и людей вокруг, но я понял, что что-то происходит. Я чувствовал, как люди вокруг меня вибрируют, ведь это были мои родители. Вдруг я догадался, что они понимают не больше меня: Вот когда я впервые ощутил страх: И я был уверен, что призраки всех этих индейцев стояли вокруг и смотрели на машину, а потом в один момент вошли в меня. Я был как губка, просто сидел и был готов впитать их в себя. Это все не просто так, для красоты, для меня это что-то значит…»

Джим успел заглянуть в глаза умирающего индейца за секунду до того, как они закрылись. То, что он прочел в этих бездонных зрачках, навсегда врезалось в его кровь и память. В тот миг он вышел за пределы себя и провалился во что-то темное и мягкое… Было пусто и страшно. Джим не боялся ни вида безжизненных тел, ни подтеков крови, ни даже мысли о смерти. Его пронизывал другой, таинственный, почти священный страх. Страх перед самой пустотой.

Отец молча закурил и резко нажал на газ, мать нервным жестом поправила прическу, машина набирала ход, а маленький Джим буквально прилип к заднему стеклу, словно какая-то неведомая сила тянула его вернуться на место, где несколько минут назад разбился грузовик с индейцами. «Джимми, не смотри туда!». «Мам, а что бывает после смерти?». Мать побледнела и испуганно прошептала: «Не задавай глупых вопросов».

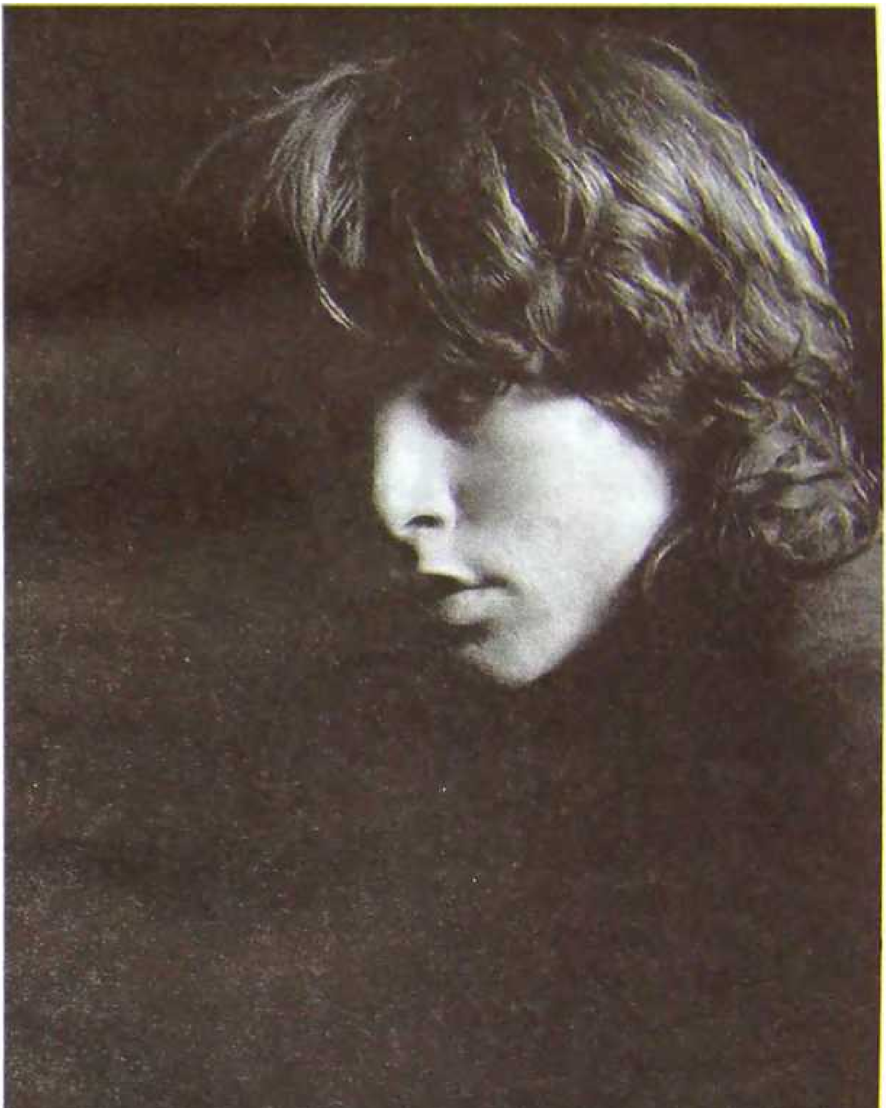


Наследник

Спустя десять лет четырнадцатилетний Джим напишет в своем дневнике: «Я сын индейца, родом из племени Коарумов. Я был рожден на восьмой день зимы в Седоне — Долине Смерти. Я наследник и хранитель Тайны — ее передал мне Отец перед тем, как забыть земную твердь. Я успел посмотреть Отцу в глаза, поэтому теперь владею знанием. Отец узнал во мне Сына в день, когда небо распахнулось над его головой и забрало к себе. Я был последним из всех живых, кого он увидел. Теперь мы оба храним Тайну. Он — о живых, а я — о мертвых. Еще он дал мне заклинание. Оно очень древнее, простое и сильное. Отныне я назван шаманом, ибо Отец передал мне часть своей силы. Она пригодится мне и Здесь, и Там. Я Сын своего Отца, я Наследник, я Хранитель и я Шаман».

Предчувствие

В маленьком кинозале было тесно и душно. Толпа вокруг шумела, зевала, хрустела чипсами и попкорном, шипела открывающимися банками с газировкой… Потные преподаватели лениво обмахивались папками. Студенты младших курсов, пришедшие поглазеть на выпускников, оживленно шептались. Джим сидел в первом ряду, строго по центру. Через пару минут должен был начаться показ его дипломной работы. Сейчас он волновался как никогда раньше. Ладони потели, а по спине пробегал щекочущий холодок. Он ни с кем не разговаривал, ни на что не обращал внимания — только смотрел в пустое бледное полотно перед собой, словно видел там что-то, что могло избавить его от судорожного страха. Свет погас, публика притихла, Джим вцепился в подлокотники кресла так, что свело пальцы. На экране появились первые кадры. Джим словно не узнавал своего фильма. Здесь, среди чужих, он и сам смотрел на него чужими глазами. То, что он видел теперь, казалось ему абсолютно новым, откровенным и шокирующим. Изысканные образы, игра света, монолог героя… Моррисона тревожило только одно — сумеет ли комиссия понять и оценить его работу по достоинству…



Срыв

Когда прошли финальные титры, и вновь зажегся свет, на Джима устремилось около сотни недоуменных взглядов. Руководитель группы растерянно пожал плечами:

— Моррисон, скажите, вы сами придумали все это? Честно говоря, не ожидал от вас такого…. такого невнятного сюжета. Фильм будто недоделан, хотя времени у вас было достаточно. Что вы хотите этим сказать?

По залу прошел ропот. За его спиной громко и отчетливо прозвучал приговор — «бред». Джиму показалось, что слово, как баскетбольный мячик, отпрыгнуло от стен и ударилось о его ладонь много-много раз. Бред. Бред. Бред. Раздался женский голос: «Абсолютная безвкусица. Я разочарована». Джим узнал этот голос — это была симпатичная третьекурсница, влюбленная в него по уши. «Что-то он перемудрил. Или это мы тут все идиоты?!» — выпалил какой-то нахальный молодой парень. «Это не кино. Это не искусство. Это даже не китч. Это ничто» — эхом отдавалось в ушах. Джим почувствовал, что все его тело онемело, но рывком заставил себя встать с кресла. Он был весь красный от смущения и обиды.

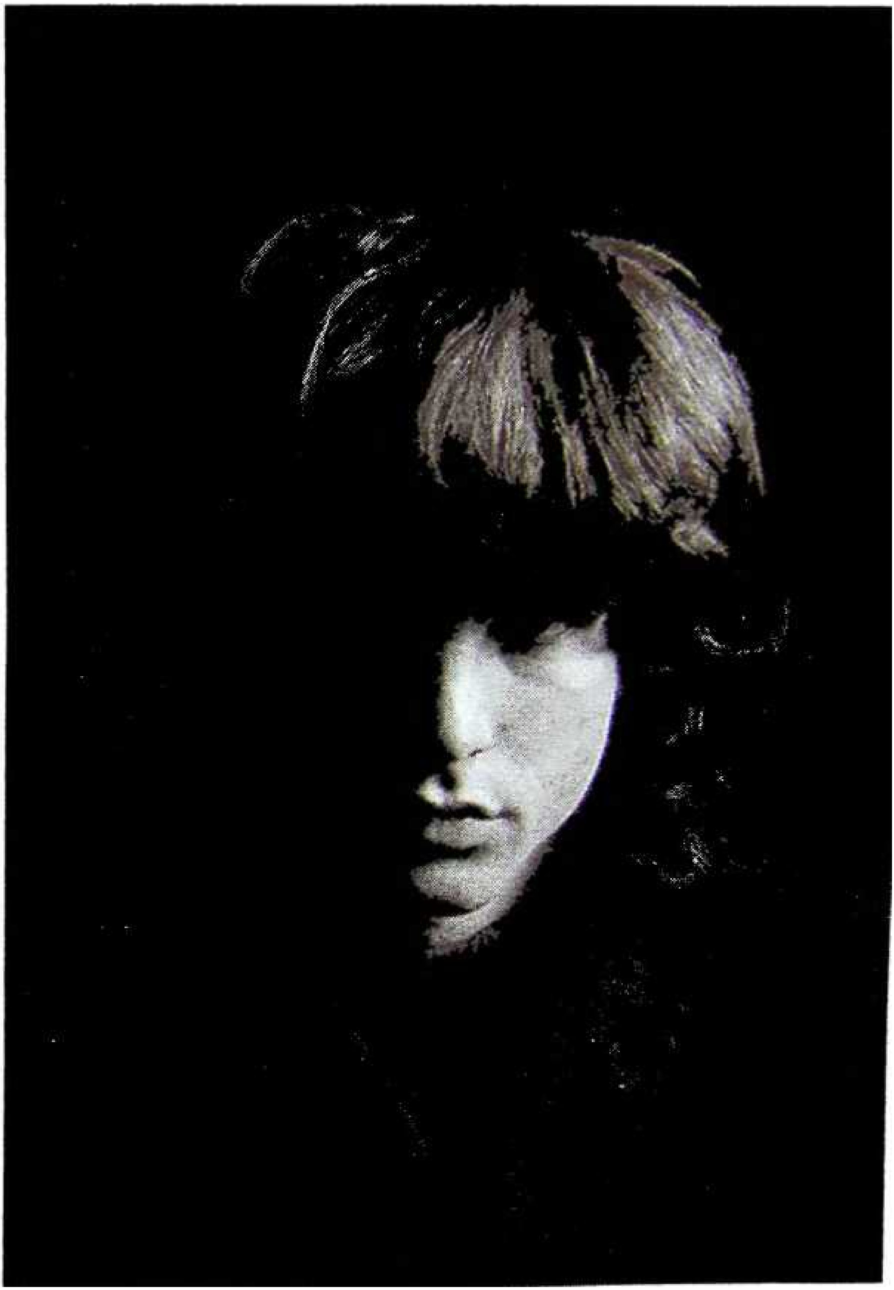
— Я хотел сказать… Я хотел сказать, что ухожу из университета, — твердым и быстрым шагом Джим направился прочь из зала.

У самого выхода кто-то осторожно тронул его за плечо. Парень в дымчатых очках улыбнулся и произнес:

— Твой фильм лучший из всех, что были показаны здесь сегодня. Не слушай никого, Джим. Ни слушай никого, верь в себя, и о тебе заговорит весь мир.

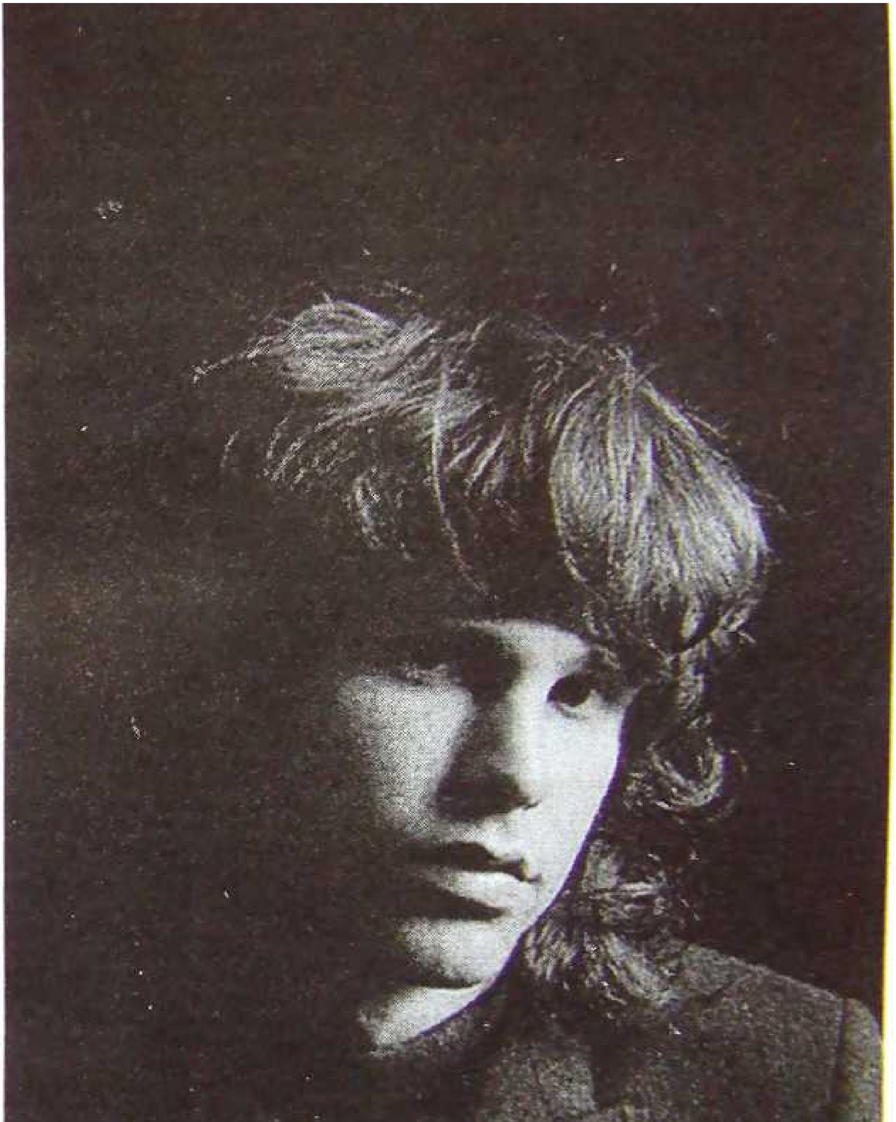
Ноги моей здесь больше не будет!

Он вышел из Академии совершенно опустошенным. До получения диплома оставалось всего ничего — каких-то три недели. Но Джим сделал свой выбор: «Ноги моей здесь больше не будет. Вы получите свои бумажки, но никогда не научитесь понимать искусство. Неудачники». Он бродил по улицам, пинал попадающиеся под ноги консервные банки и курил одну сигарету за другой. Вместе с дымом он выпускал из себя разочарование и злость. Уже стемнело, когда Моррисон немного пришел в себя. Он огляделся по сторонам и вдруг осознал, что находится в совершенно незнакомом районе: узкий переулок был абсолютно безлюден и плохо освещен. Мрачные подворотни и грязные дома-коробки с потухшими окнами не внушали доверия. Казалось, здесь, на окраине, заканчивается не только город, но и сама жизнь. Джим чуть не заплакал, как потерявшийся ребенок. Да он и был ребенком. Обиженным одиноким ребенком наедине со зловещим, молчаливым городом. Хотелось вернуться на свою крышу, хотелось есть и пить. И даже немного хотелось к родителям. Он не знал, где находится и как найти дорогу обратно, поэтому решил просто идти, куда глаза глядят…



Судьбоносная встреча

Сзади послышались шаги. Джим инстинктивно прибавил ход. Шаги тоже ускорились и почти перешли на бег. Чья-то рука мягко опустилась на его плечо. «Сейчас меня будут бить…» — подумал он и мысленно приготовился к боли. Но удара не последовало. Полузнакомый голос бодро произнес: «Привет, Джим!». Моррисон обернулся и увидел парня, который остановил его у выхода из университета. Это был Рей Манзарек.

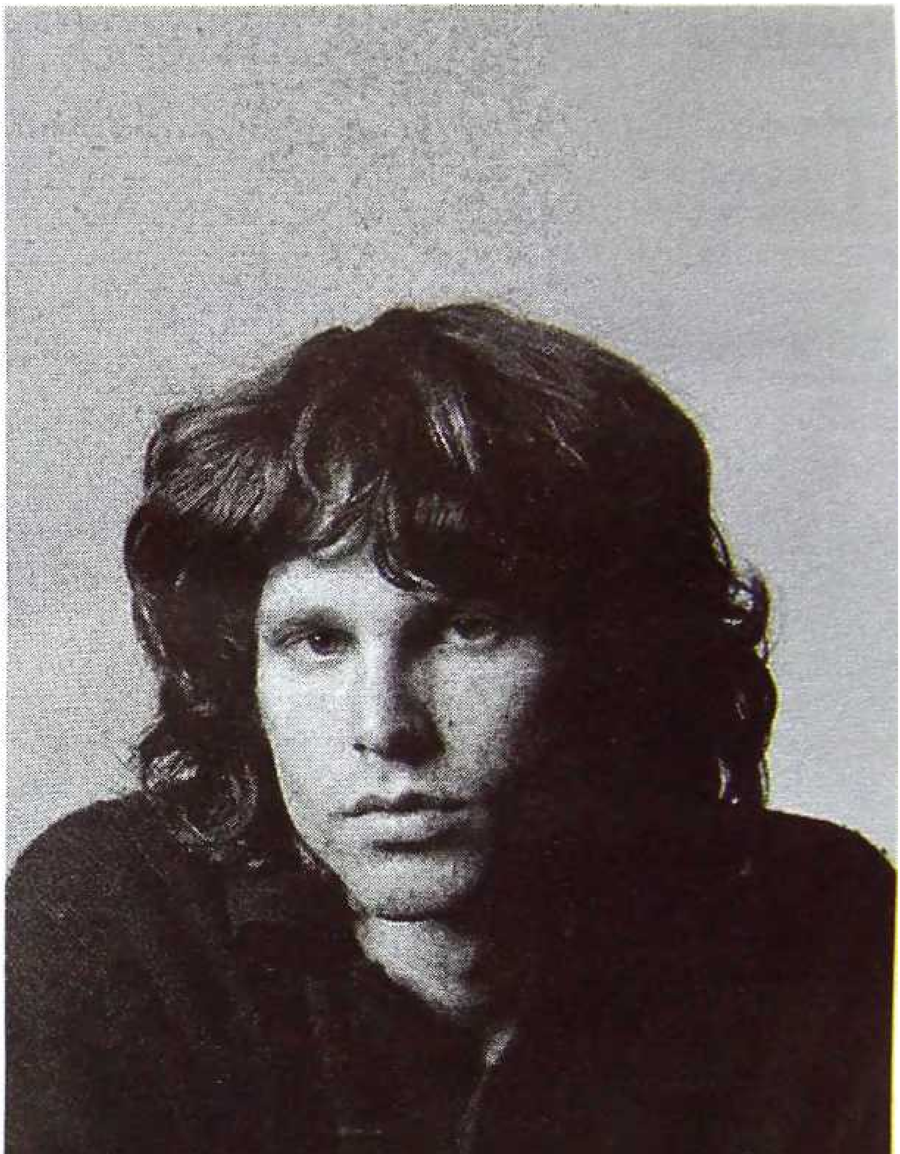


Память

Я никогда не забуду ту ночь. Все, что в ней было, — было невероятно значимо. Я встретил человека, ставшего мне лучшим другом, братом и единомышленником. Я гулял по городу и забрел в какое-то злачное место. Меня накрыло отчаяньем. И тут совершенно неожиданно появился Рэй — он жил неподалеку от этого района и любил прогуливаться по ночам. Просто вышел покурить и увидел меня. Он узнал меня сразу.

Он тоже был студентом УКЛА. Следил за моим творчеством, регулярно ходил на просмотры. Я ничего не знал о нем. А он давно хотел со мной познакомиться, но не было подходящего момента, да и в университете я появлялся все реже… Вот таким странным образом я узнал того, кто сыграл решающую роль в моей жизни. В ту ночь до самого рассвета мы пили вино и разговаривали. О кинематографе, о философии, о литературе, о политике, об искусстве, о жизни… Он лечил меня этими бесконечными разговорами. Он гасил во мне боль и бессилие. Мы говорили, говорили, говорили обо всем на свете. Не говорили только о музыке, хотя оба были музыкантами. Этому разговору суждено было состояться позднее. Мы словно несли в себе эту тему как сокровенную тайну и не спешили открываться.

Наша с ним встреча не кажется мне случайной. Она была неизбежна. Она стала началом Дорз. Именно так — Дорз начались с единения».



Куда приводят мечты

Теплым солнечным днем Моррисон и Манзарек сидели в летнем кафе, потягивая пиво и наслаждаясь прекрасной погодой. Джим беззаботно насвистывал какую-то мелодию. Вдруг Рей неожиданно спросил:

— Что это за мотивчик?

— Не обращай внимания. Иногда в моей голове рождается всякий бред. Стихи там… музыка иногда… Глупость, в общем.

— Я надеюсь, ты их записываешь?

— Да нет, зачем?

— Затем. Слушай, а спой мне!

— Да зачем тебе это? Мне как-то неловко, да и вообще…

— Хорош ныть! Давай, Джим, не ломайся!

Moonlight drive

Джим закрыл глаза и очень тихо начал петь. Это была одна из его самых первых песен — «Moonlight drive». Он пел, раскачиваясь а такт мелодии. Манзарек пристально и неотрывно смотрел на Моррисона, будто и сам погружаясь в некий транс. Когда Джим закончил, Рей прикурил, сделал пару сильных затяжек, медленно выпустил колечки дыма и произнес слова, навсегда изменившие жизнь парня, сидящего напротив него:

— Я еще не говорил тебе, но дело в том, что я помешан на музыке. Я музыкант и мечтаю создать хорошую команду. Поэтому хочу предложить тебе кое-что. Здесь и сейчас — давай создадим группу. Поверь, ты — талант. А талант пропадать не должен. Твои тексты, твой тембр — все это будет отлично сочетаться с музыкой. Ну что, ты согласен, Джим?

— Чем черт не шутит… Давай попробуем.

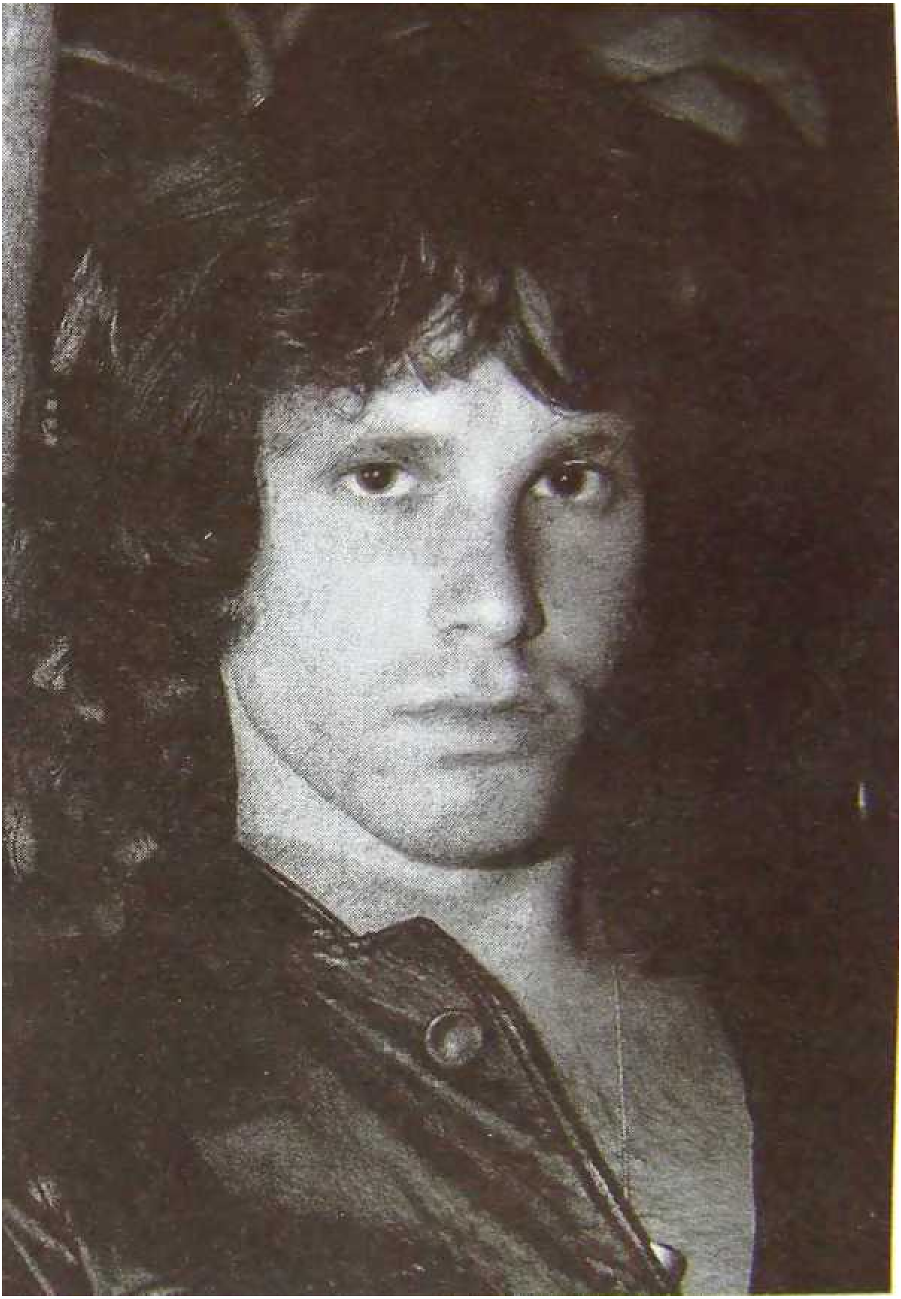
Выход есть

Стояла невыносимая жара, мучила жажда, песок под ногами был очень горячий, почти обжигающий. Он огляделся вокруг и увидел в метрах пятидесяти от себя скалу с пещерой. «Там внутри должно быть прохладно» — подумал Джим и, превозмогая усталость, побрел по раскаленному песку к мрачной одинокой скале. Идти было тяжело, ноги не слушались. Он не знал, сколько прошло времени, и какое расстояние он преодолел, но казалось, что цель не приближается ни на сантиметр — словно это мираж. Джим в отчаянии опустился на колени, голова закружилась, он упал лицом вниз и бессильно заплакал. Вдруг он почувствовал чье-то твердое и уверенное прикосновение. Он поднял лицо и увидел рядом с собой старого индейца. Кожа на его руках и лице была совсем высохшая, желто-коричнево-го цвета, покрытая сеткой глубоких морщин. Длинные седые волосы спускались по плечам. Маленькие, очень темные, почти черные, глаза смотрели строго и внимательно, тонкие губы были плотно сомкнуты. Ни говоря ни слова, старик подал ему руку. Джим встал, Индеец молча указал на пещеру, кивнул и повел его за собой. Идти было на удивление легко, и через пару минут они добрались до скалы. У самого входа Индеец положил руку на плечо Джима и промолвил: «Теперь иди один, человек. Выход есть».

Бесконечный путь

Джим зашел внутрь пещеры — здесь было сыро и очень темно, но, несмотря на темноту, он смог увидеть то, что его окружает. На полу лежал пепел и остатки костра. На стенах — неразборчивые, едва различимые начертания и символы. На одном из рисунков Джим увидел автомобиль. Следом за этой картинкой шла другая — перевернутый грузовик, лежащий на обочине. На следующем изображении — два скелета. Джима передернуло. Он пошел дальше. Пещера незаметно сужалась и превращалась в узкий извилистый коридор, расходящийся на еще несколько путей — таких же сырых и темных. Джим шел осторожно, опираясь рукой о стены. Пару раз он падал, обдирая локти и колени в кровь. Казалось, что он попал в бесконечный лабиринт или в ловушку. «Индеец сказал, что выход есть. Я должен идти». И он шел, шел, шел. Его преследовали рисунки и надписи на стенах. Он старался на них не смотреть. Дышать становилось все труднее. Ему безумно хотелось выбраться отсюда как можно скорее. «Где же этот выход? Где он?». Через пару минут он увидел в конце коридора дверь. Тяжелую стальную дверь. Джим собрал в кулак всю свою волю, стиснул зубы и толкнул ее… Свет больно ударил в лицо, глаза ослепило сияние. Он сделал шаг вперед и почувствовал, как стремительно летит вниз.

Джим резко открыл глаза. На часах был полдень. Он протер глаза и часто заморгал, будто стряхивая с ресниц остатки сна.



Распахнутые двери

— У меня есть барабанщик и гитарист. Робби и Джон — настоящие профессионалы и отличные ребята. Я думаю, они справятся. Надо будет всем собраться и поиграть. Что насчет названия, Джим? Ты что-нибудь придумал?

— Да. Мы будем называться «The Doors». Если бы двери восприятия были чисты, все предстало бы таким, как есть — бесконечным.

— Ты гений.

— Джим рассмеялся:

— К сожалению, это не я. Это Олдос Хаксли. Один из моих любимых авторов.

— Двери восприятия… Ну что же, идея неплоха, мне нравится.

— Мы откроем двери восприятия, мы расширим сознание людей. Музыка — вот самый отборный наркотик. Она способна перевернуть все с ног на голову.

— Пожалуй, ты прав, дружище. По крайней мере, музыка — это тот наркотик, который попробовать стоит.

Sex, drugs, rock-n-roll & эйфория

Все это настолько стремительно и ошеломляюще, что иногда я просто задыхаюсь. Мне кажется, что я канатоходец. Только я не иду, а бегу по канату, натянутому над пропастью. И, черт возьми, мне это нравится! Сегодня была первая репетиция. Рей привел Робби и Джона. Робби очень чудной — он занимается в центре медитации Махариши, а Джон может достать любую наркоту за смешные деньги. В общем, они мне нравятся. Люблю сумасшедших. Настоящий музыкант таким и должен быть. Одержимым. Безумным. Особенно, если речь идет о рок-н-ролле. Мне кажется, мы споемся. Джон сегодня принес кокс, и мы неплохо провели время. Всем было весело, а это самое главное. Мне нравится жить мгновением, не беспокоясь о том, что будет завтра. Да и какая, к черту, разница? Нужно ловить кайф здесь и сейчас, пока он есть. Завтра все может перевернуться, но пусть это будет завтра. А сейчас… Я молод, талантлив, красив, во мне кипит свежая кровь и я верю в успех. Утрите носы, университетские крысы. Вы не поверили в меня, зато в меня верит моя команда и скоро поверит вся страна. Я Король Ящерица, я все могу. Совсем скоро заработает в полную мощь машина под названием «Дорз»».

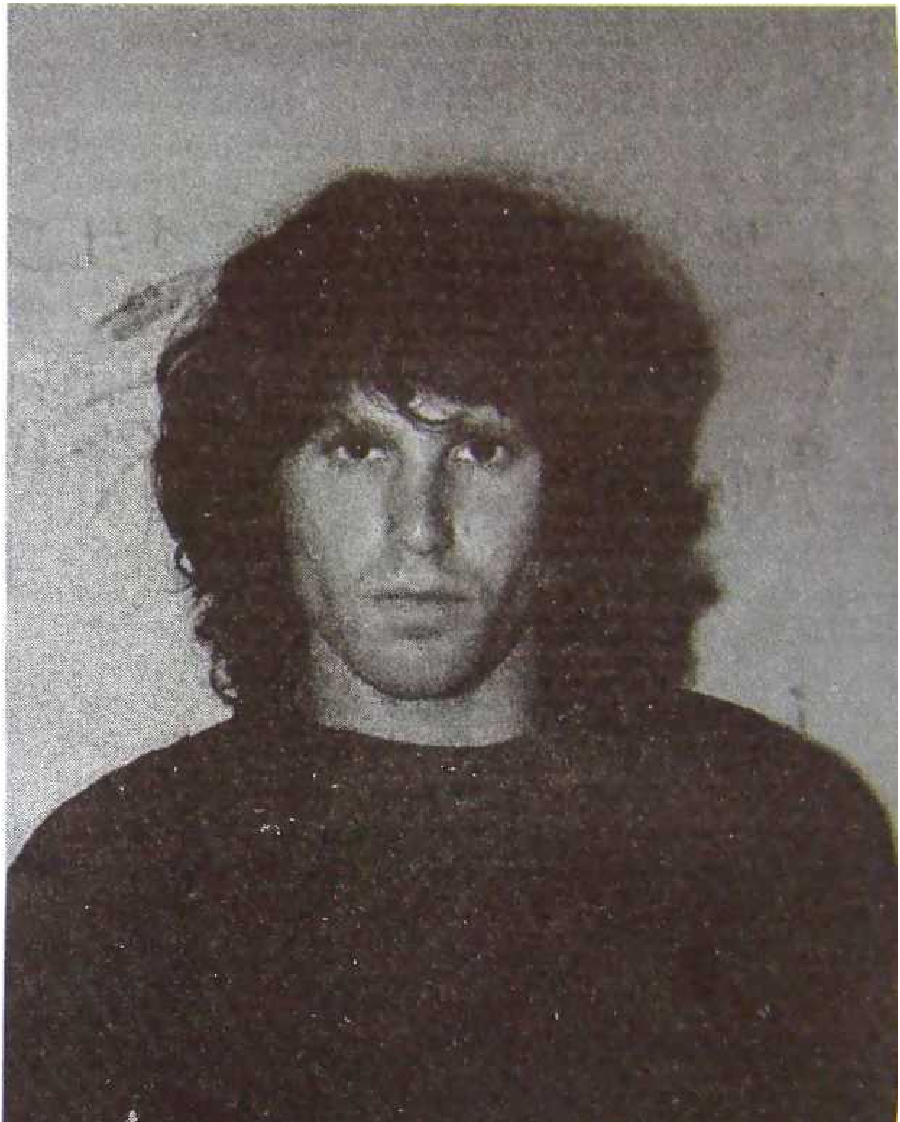
Самый легкий способ самоубийства

Еще в младших классах школы Джим Моррисон считался отъявленным хулиганом и провокатором. Дух бунтарства и несогласия с общим строем прорезался в нем очень рано. Его постоянно подогревало желание сотворить что-то неадекватное, асоциальное и скандальное. Часто он делал вещи, выходящие за все рамки допустимого, и доводящие учителей до нервного исступления. На математике он мог с разбега запрыгнуть на парту, на уроке рисования — разрисовать не только лист бумаги, но и весь стол, свои руки и в придачу лицо соседа по парте; на пении он нарочно орал мимо нот во все горло… Джим был звездой школы. Кто-то побаивался его, кто-то ненавидел, кто-то восхищался, кто-то втайне завидовал. Но ни один человек не мог назвать его своим другом, и тем более никто не мог сказать, что понимает этого странного парня. Джим умел смешить и эпатировать так же хорошо, как умел пугать. Иногда он мог весь день молчать. Иногда плакал без повода. Иногда просто садился в угол, затыкал уши, зажмуривался и задерживал дыхание до тех пор, пока не начинал бледнеть и задыхаться. Когда он вставал, у него сильно кружилась голова, а в глазах был какой-то нездоровый блеск и задор.

Учитель однажды спросил его:

— Джим, что ты делаешь? Десятилетний мальчишка улыбнулся и ответил вопросом на вопрос:

— Сэр, а какой способ самоубийства самый легкий?



Порыв ветра

Если бы Джим Моррисон не был отчаянным романтиком, безумным поэтом и неординарным музыкантом, то он сказал бы, что «это была любовь с первого взгляда» и протер бы до основания и без того затертую фразу. Но Джим Моррисон при любых обстоятельствах оставался Джимом Моррисоном, поэтому увидев на пляже девушку, неспешно прогуливающуюся вдоль берега, он толкнул в бок своего приятеля и восторженно прошептал:

— Кажется, я ослеплен солнцем, уснувшим в ее волосах…

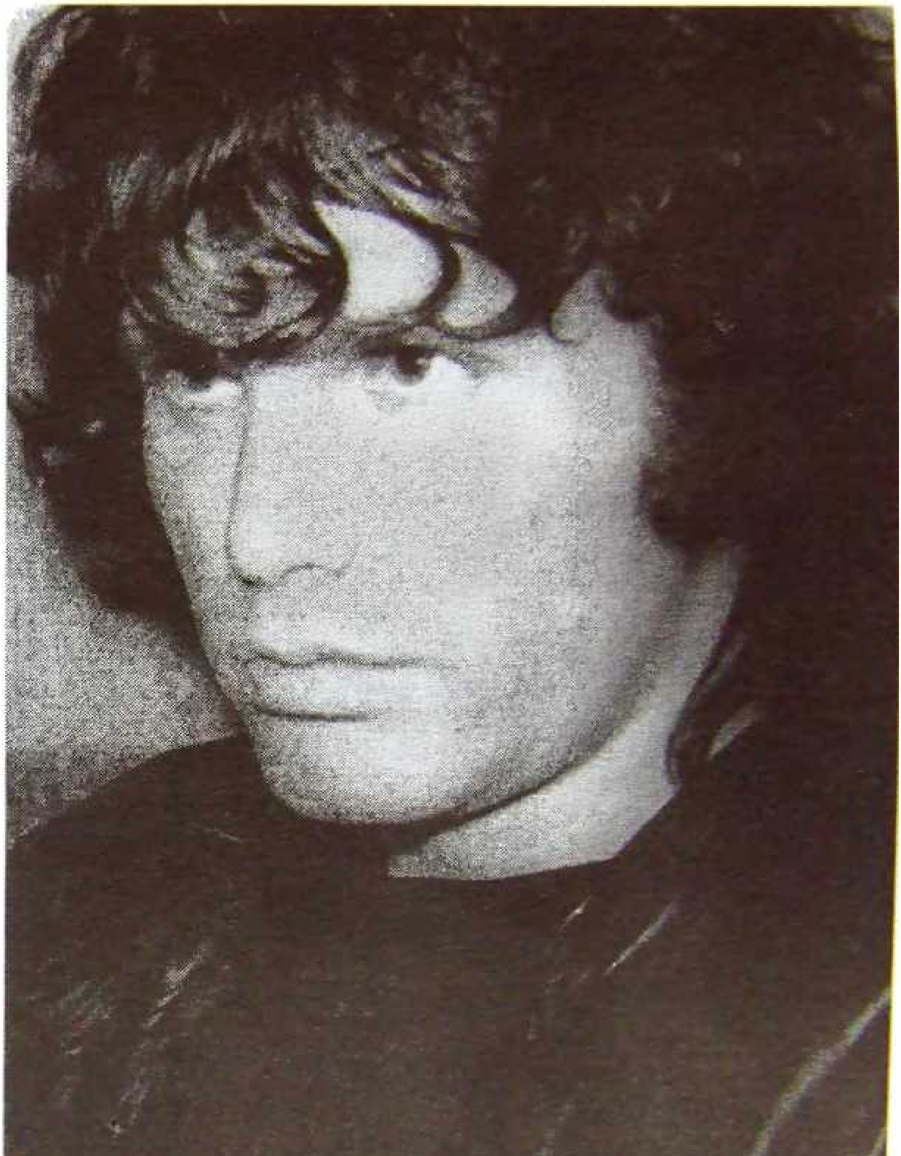
— Гореть мне в огне… Как хороша, черт побери! Спорим, сегодня же вечером она полюбит меня? — подмигнул Джим Манзареку.

— Да что толку с тобой спорить, все равно проиграю… — лениво протянул Рэй.

Джим громко рассмеялся, похлопал друга по плечу и очень серьезно сказал:

— А может, это первая любовь? А, что скажешь? Короче, я бегу за ней. Вечером не жди

Джим спрыгнул с высокого парапета и помчался за светловолосой незнакомкой. Он был как ветер — легкий, свежий, беззаботный и совершенно свободный.



Солнечная Фея

Эта девушка словно шла по воздуху, едва касаясь кончиками пальцев ног теплого песка. Ветер играл ее волосами и легкой светлой туникой. Хрупкая, почти невесомая, почти прозрачная, неземная она была соткана из капель воды, чистого воздуха и солнца… Он обогнал ее и, ни говоря ни слова, опустился перед ней на колени. От испуга и неожиданности девушка негромко вскрикнула. С минуту они изучали друг друга. Она — с удивлением, он — с нескрываемым удовольствием. Игра в молчанку затянулась. Первой сдалась Памела.

— Вы сумасшедший? Может быть, мне позвать полицию?

— Не стоит. Лучше скорую.

— Вам плохо?

— Плохо ли мне?! Фея, да разве ты не видишь, что я ослеп? Ты заколдовала меня.

— Эй, парень, ты случаем не обдолбался?

— Нет, Фея, это ты во всем виновата. Твоя красота крепче дурмана.

— Да Вы просто поэт…

— Так и есть. Постой, как ты угадала? Ах, да… ты ведь фея. Хочешь, я посвящу тебе стихи?

— Памела рассмеялась:

— Мне еще никто не посвящал стихи! Только поэтому я соглашусь послушать.

Искусственная феерия

Я попытался записать те первые пять песен, я просто набросал фантастический рок-концерт, что звучал в моей голове. Сначала возникла музыка, потом я стал придумывать слова, потому, что только так я мог ее запомнить, а в конце концов я забывал мелодию и в голове оставались только слова: я чувствовал, что должен их напеть…»

В какой-то момент Джим осознал, что марихуана и гашиш даже в сочетании с алкоголем не расширяют сознание до той степени, которая ему необходима, чтобы творить. Ему требовалось настоящее вдохновение. На очередной репетиции он попросил Джона Денсмора достать для него ЛСД…

— Зачем тебе?

— Просто. Хочу попробовать…

— Это сильная штука, будь осторожен.

Джим только улыбнулся в ответ.

Эффект превзошел все ожидания. То, что он употреблял до этого, — трава и таблетки, — не давало и одной десятой того, что испытал Джим во время ЛСД-трипа. Он распахнул двери своего сознания настолько широко, насколько это было возможно. Перед глазами в безумном вальсе проносились тысячи радуг. Музыка душила, раздирала изнутри. Он выплескивал ее на гитарные струны, а затем бережно собирал по атомам, по молекулам и переносил на бумагу. Он был до краев наполнен музыкой, он выдыхал ее из себя, он источал звук. Он был творцом. Он был королем этого мира. Он был музыкой.

Дыхание мира

Они лежали на ночной крыше, смотрели в черную гладь неба и тихонько разговаривали… Только что прошел дождь, было свежо и прохладно. Джим укутал Памелу своей курткой и крепко обнял.

— Звезды — это души. Души ушедших. Тех, кого с нами больше нет. Они смотрят на нас, они мигают нам, чтобы мы о них не забыли. Каждый вечер я смотрю на ночное небо, для того, чтобы там наверху знали, что их помнят.

— Но ведь звезды падают…

— Да. Это значит, что чья-то душа хочет вернуться на землю. Ты слышала что-нибудь о реинкарнации?

— И ты в это веришь?

— Конечно. Иначе и быть не может. Души приходят, уходят и возвращаются. Они перерождаются. Путешествуют, скажем так.

— А может быть у двух людей одна душа на двоих?

— Это случается очень редко, но иногда… Души умеют сливаться, проникать друг в друга, становиться одним. Знаешь, неспроста ведь есть выражение «душа в душу».

— Здорово. Откуда ты все это знаешь?

— Я просто умею слушать небо. Небо — это полифония, это хор, гигантский оркестр. Каждая душа имеет свое определенное звучание, свою партию. Все вместе и создает этот мир. Мерцание звезд — это дыхание мира.

— Ты философ?

— Может быть.

Когда умолк звон бокалов

Парни, сегодня великий день! Запомните его. — Джим обвел полупрофессиональную студию торжествующим взглядом, словно в ней находились сотни людей, — Сегодня мы записали нашу первую пластинку. 45 минут чистого рок-н-ролла и ничего больше. Шесть песен, которые обязаны стать хитами! Выпьем за успех!

Когда умолк звон бокалов, утихли радостные возгласы и понемногу начало отступать головокружительное чувство всепоглощающего восторга, прошло время всерьез обдумать дальнейшее развитие и реализацию пластинки.

— Мне кажется, не с первого, так со второго раза с нами обязательно заключат договор. Наша музыка актуальна. Это то, что нужно сейчас молодежи, — деловито заявил Рей.

Ни с первого, ни со второго, ни даже с десятого раза договор с ними никто не заключил. Одна за другой захлопывались двери перед лицами молодых музыкантов. Доброжелательный дядечка-менеджер известной звукозаписывающей компании напрямую сказал:

— Хотите совет, ребята? Бросайте вы это дело. Вас же никто слушать не будет. Бросайте все к чертовой матери, либо переделывайте. Придумайте что-то совсем новое.

Пинок вместо оваций

Джим не был ни разочарован, ни подавлен. Пустота и удивление — вот все, что жило в нем на тот момент.

Он ждал оваций, а получил пинок под зад.

— Ну что, герои, что теперь будем делать?

— Работать. Над звучанием, над качеством, над самими песнями, — Рей на минуту задумался, — У меня на примете есть одно заведение. Им вроде как нужны музыканты. Местечко злачное, но ничего не поделаешь — для начала, и это сойдет, нам нужно где-то выступать… Итак, я предлагаю вам клуб «London Fog».

— Ты с ума сошел? Это же жуткая дыра…

— Все начинали с малого. Мы хотим стать хоть кем-нибудь или мы будем до конца дней просиживать штаны в ожидании великой славы?

Джиму ничего не оставалось, как только вздохнуть и кивнуть головой. В его голове возникла фраза:

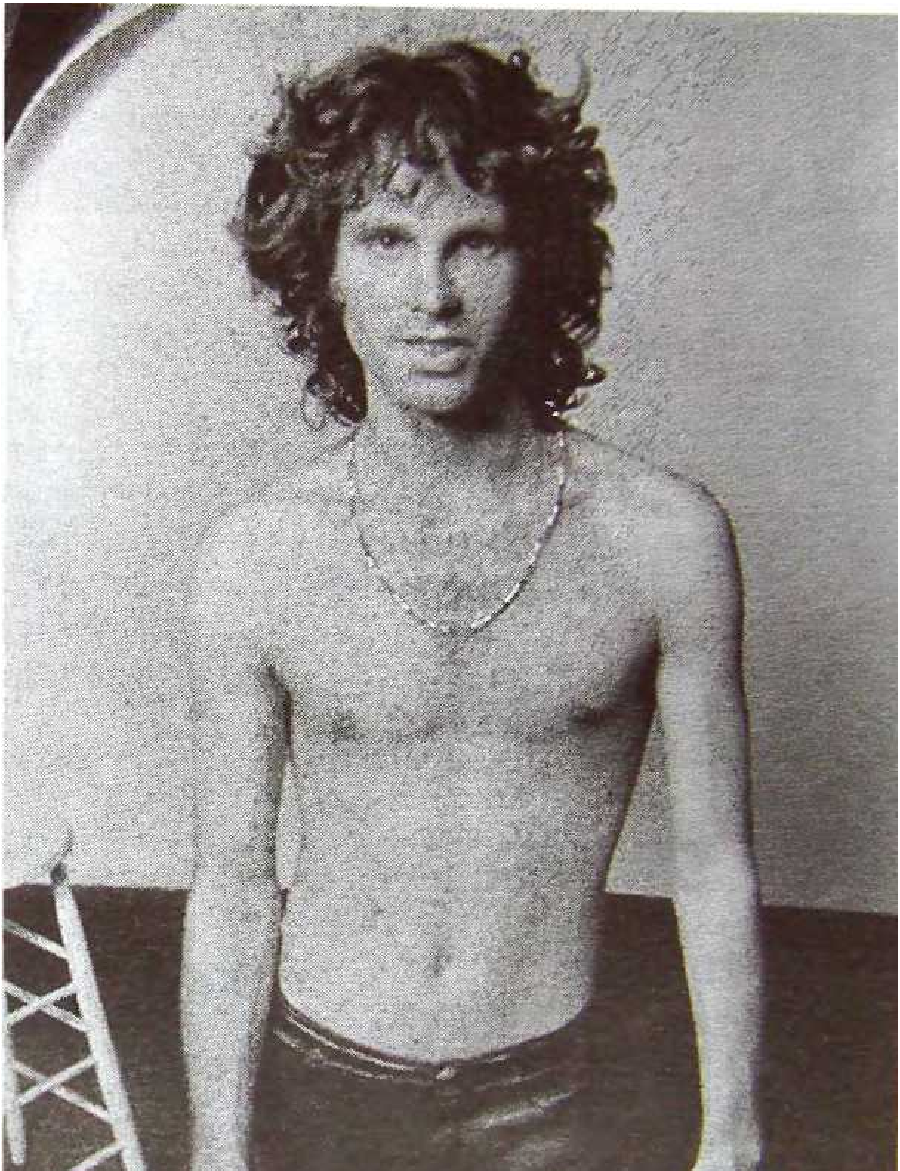
— Не слушай никого, верь в себя, и о тебе заговорит весь мир.

Он посмотрел на Рея и улыбнулся.

Как первый секс, как вечный кайф

«Я впервые вышел на сцену. Волнение было настолько сильным, что я ничего не чувствовал, кроме боли в глазах от яркого света. Зрители были где-то очень далеко от меня. Сначала я не видел людей — только мутное марево. Несколько вялых хлопков, чей-то смех — это немного привело меня в чувство. И я увидел их лица. Они смотрели на меня с ожиданием и какой-то и злобой, с готовностью растерзать за первую же фальшивую ноту или неловкое движение. Они будто ждали, когда я сделаю промах.

Я решил обмануть их и сделать что-то совсем неожиданное… Я повернулся к ним спиной. Робби шептал: «Что ты делаешь?! Так нельзя. Развернись!». Но я запел, стоя спиной к залу. Я не ошибся. Они заинтересовались мной. Девушки из зала выкрикивали: «Эй, парень. Покажи нам свое лицо, не стесняйся!». Я выждал еще несколько мгновений, и когда начался припев, резко развернулся. Они аплодировали мне, они кричали «привет». Я любил каждого из них в отдельности и всех вместе взятых. Я нравился им, и это нравилось мне. Это было как первый секс, как наркотик, как вдохновение, как вечный кайф».



Широко известен в узких кругах

Дорз» начали с «London Fog», а продолжили выступления в клубе «Whisky-A-Go-Go». Их популярность медленно, но верно набирала обороты: появлялись поклонницы, постепенно формировалась аудитория. Джиму льстили восторженные вопли юных фанаток. Девушки звонили в клуб и требовали администрацию организовать очередной концерт «Дорз». Парни приносили неплохую прибыль владельцам, хоть на их выступлениях порой и бывало слишком шумно. Моррисону нравилось быть узнаваемым и востребованным, но он был немного смущен тем, что толпа, в большинстве своем, не вслушивалась в музыку и тексты, а лишь смотрела на него самого. Казалось, публика не нуждалась в «Дорз» — ей был нужен взлохмаченный парень с гитарой, имени которого она даже толком не успела запомнить.

Однажды на концерте ведущий объявил их как «Джим Моррисон и группа «Дорз»». Когда он возвращался за кулисы, Джим преградил ему дорогу и сказал:

— Мы не будем выступать, пока ты нас нормально не объявишь. Мы — единая команда, мы все — «Дорз»!

Кружиться пол музыку в медленном танце

Каждый раз, выходя на сцену, он, в первую очередь искал в толпе ее глаза. Он успокаивался, расслаблялся и начинал петь только когда находил этот нежный, манящий и ласковый взгляд. Пам всегда была в зале во время их выступлений. Она подпитывала Джима эмоциями, адреналином и энергией. Они словно обменивались тайными посланиями на зашифрованном, понятном лишь им двоим, языке. Эти незримые письма хранились под ее сердцем. Она бесконечно любила его песни, его голос, его манеру, каждое слово и движение, каждый взгляд, каждую пропетую им ноту. А он, купаясь в записках от поклонниц, пел только для нее одной. В переполненном зале они умели оставаться наедине. И это было их тайной. Они не говорили об этом вслух, но оба знали, что их души умеют соприкасаться и кружиться под музыку в медленном танце. Они притягивали друг друга с неимоверной силой. Однажды она спросила:

— А ты променял бы меня на славу и деньги?

Джим, немного подумав, ответил:

— А зачем? Ведь тогда мне будет не с кем этим всем поделиться. Да и потом… откуда возьмется слава, если у меня не будет Музы?

Зов

Впервые это случилось на одной из репетиций. После того, как ребята записали «Indian Summer», они решили немного расслабиться. Робби, Джон и Рэй курили травку, а Джим предпочел принять кое-что посильнее. Проглотив таблетку, он сел на пол, зажмурился и стал ждать… Сначала появился звук — глухой, утробный — он шел откуда-то издалека. С каждым мгновением приближаясь, звук будто врастал в барабанные перепонки. Он заполнил все вокруг, стало тяжелее дышать. Джим почему-то боялся открыть глаза. Он не мог понять происхождение звука, но его не покидало странное ощущение, будто он уже слышал его однажды, когда-то очень-очень давно. Постепенно к звуку начали прибавляться другие: тонкое дребезжание, металлический звон и тяжелый стук, будто били в плотный барабан. Все это сплеталось в замысловатый узел, сливалось в мощнейшую по своей энергетике мелодию. Музыка нарастала, она была уже настолько ощутима, что обретала форму, цвет и даже вкус. Солоноватый вкус западного ветра. Джим стал различать в этом потоке голоса. Слов было не разобрать, но он подпевал. Вдруг Джим почувствовал, что кто-то берет его за руку. Он ощутил прикосновение сухих теплых пальцев. Кожа была шершавая, но отчего-то было удивительно приятно трогать ее. Джиму очень хотелось посмотреть на того, кого он держит за руку. Он открыл глаза. Музыка резко замолкла, и на смену ей пришли истеричные всхлипывания друзей.

Песня Шамана

— Ну ты даешь, старина! Мы над тобой здорово поугорали… Ты по стенке сполз и, представляешь себе, пел! Подвывал что-то такое невнятное…

— Да, сразу видно — настоящий музыкант всегда музыкант.

— Ребята, я понял… — отрешенно произнес Джим.

— Что ты понял? — усмехнулся Рэй.

— Песню нужно перезаписать.

— Зачем?! Может, тебя с таблеток еще не отпустило? Вот чудак…

— Ей не хватает глубины. Мне был знак. Мне открылось что-то. Пока не пойму, что именно. В общем, я решил, что песню нужно перезаписать.

— Ну, раз уж ты решил, то давай, колдуй.

— В глазах Джима мелькнули два огонька, он подумал: «Именно так. Я должен колдовать. Музыка — это мое оружие и мое колдовство».

Я должен колдовать. Музыка — это мое оружие и мое колдовство.

Мертвое детство

— Почему ты никогда не рассказываешь мне о своем прошлом? Мне было бы интересно узнать о твоем детстве — спросила Пам.

— Я живу сегодняшним днем и не люблю говорить об ушедшем. Иногда мне хочется вынуть из себя память и выкинуть куда подальше. Я вообще не люблю о чем-либо вспоминать, я люблю свое настоящее. Что-то из ушедшего звучит во мне сейчас. Но это я отношу к настоящему. А вспоминать что-то специально — не для меня.

— Детство. Он похоронил свое запыленное детство где-то в кварталах Мельбурна. Он забыл о нем, и оно к нему больше никогда не возвращалось. Он разорвал и выкинул свои детские фотографии, а вместе с ними порвались все нити, связывающие с домом и семьей. Ему просто-напросто не хотелось быть ребенком, он торопился взрослеть, жить, думать и чувствовать. Джим был слишком независим для того, чтобы считаться чьим-то ребенком. Он был всегда сам по себе. В день, когда произошла шокирующая автокатастрофа, он четко осознал, что должен был родиться не в этой семье, не в этом городе, не в этой среде.

Отречение

Я был чужим изначально. Словно меня перепутали с кем-то в роддоме или подсунули под дверь их дома. Дома, где стены давили и сжимали меня. Там было всегда тяжело дышать. Отец и мать невыносимо раздражали. Они были чем-то вроде сломанного будильника, который постоянно звонит и который хочется разбить. Я терпел, сколько мог, потому что знал, что эти люди послужили материалом для создания меня. Мне проще сказать, что они умерли, чем объяснить, почему я родился у них. Меня обвинят во всех смертных грехах, если я скажу, что не любил ни отца, ни мать. Но ведь и они меня не любили, не понимали и самое главное — не пытались понять. Я просто не нравился им от и до. Моя прическа, моя одежда, мои стихи, моя музыка, мои книги, фильмы, друзья, девушки… Им не нравилось ничего. Изо всех сил они пытались перекроить меня на свой лад и всунуть в свои рамки. Больше всего на свете им хотелось сделать меня таким, как все. А мне больше всего на свете хотелось быть собой, а значит, не быть частью серой, скучной, среднестатистической массы. Однажды я пришел домой после полуночи — мать закатила истерику, а отец дал мне пощечину. Я молча собрал вещи и ушел. С тех пор мы не виделись и вряд ли увидимся когда-нибудь. Я не знаю, что с ними и живы ли они. Но для меня они умерли еще в ту ночь…»

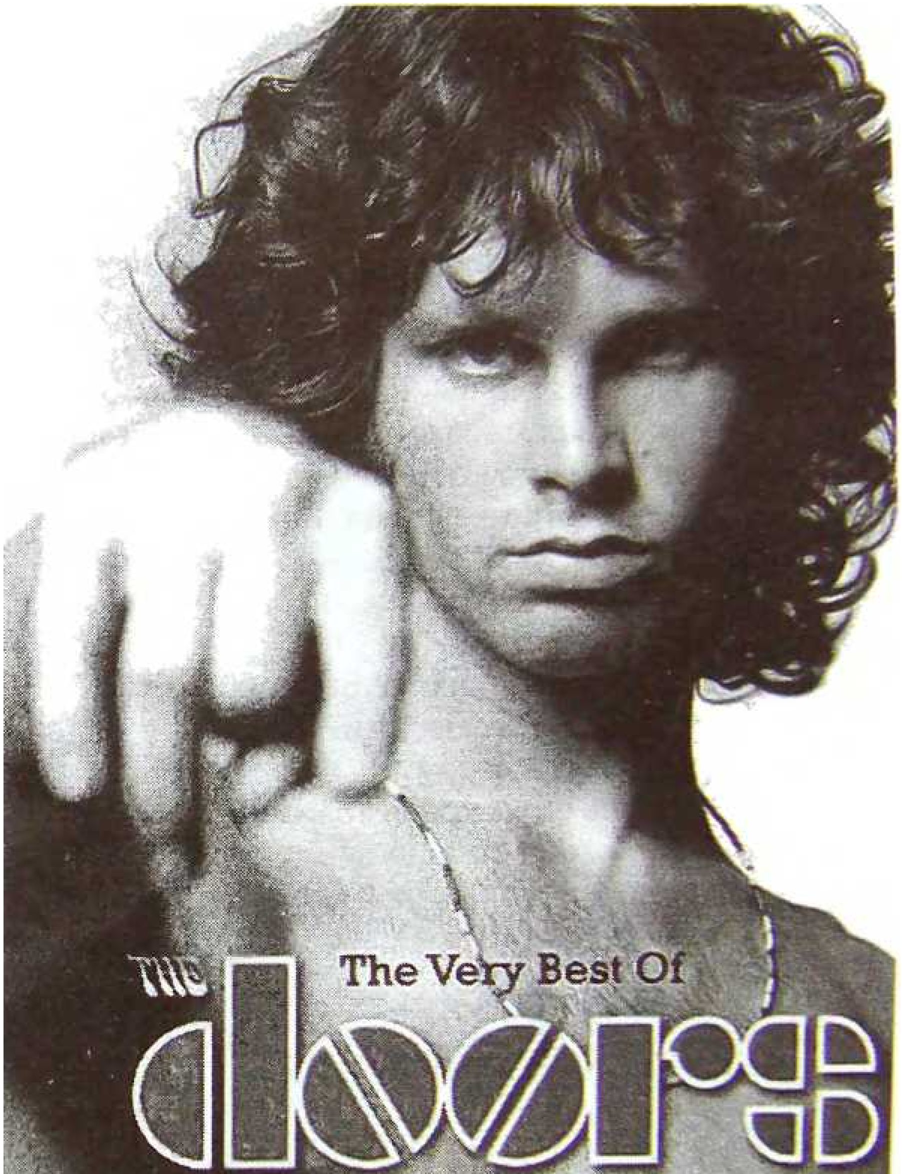
Манипулятор

Концерт за концертом, глоток за глотком, затяжка за затяжкой. Джим становился все раскованнее и смелее. Он привык к сцене, стал чувствовать себя свободно, уже не стеснялся ни зрителей, ни самого себя и больше не поворачивался к залу спиной. Все казалось таким легким, сиюминутным, искрящимся…

Он делал только то, что хотел. Его кровь подогревали алкоголь, легкие наркотики и поведение зала. В какой-то момент он осознал, что может манипулировать толпой.

«Я могу заставить их плакать или смеяться, могу оскорбить их, могу похвалить — они воспримут и запомнят все!»

Ему нравилось играть со зрителями и следить за их реакцией. Иногда намеренно, иногда в эмоциональном порыве, а порой и под действием психотропных средств, он кричал, прыгал, кружился в нескладном танце, падал на колени, смеялся до слез или плакал сквозь смех. Толпа жадно глотала все его выходки и трюки, переваривала их и в итоге всегда оставалась довольна.


The
The Very Best Of
doors

Волна звериной агрессии

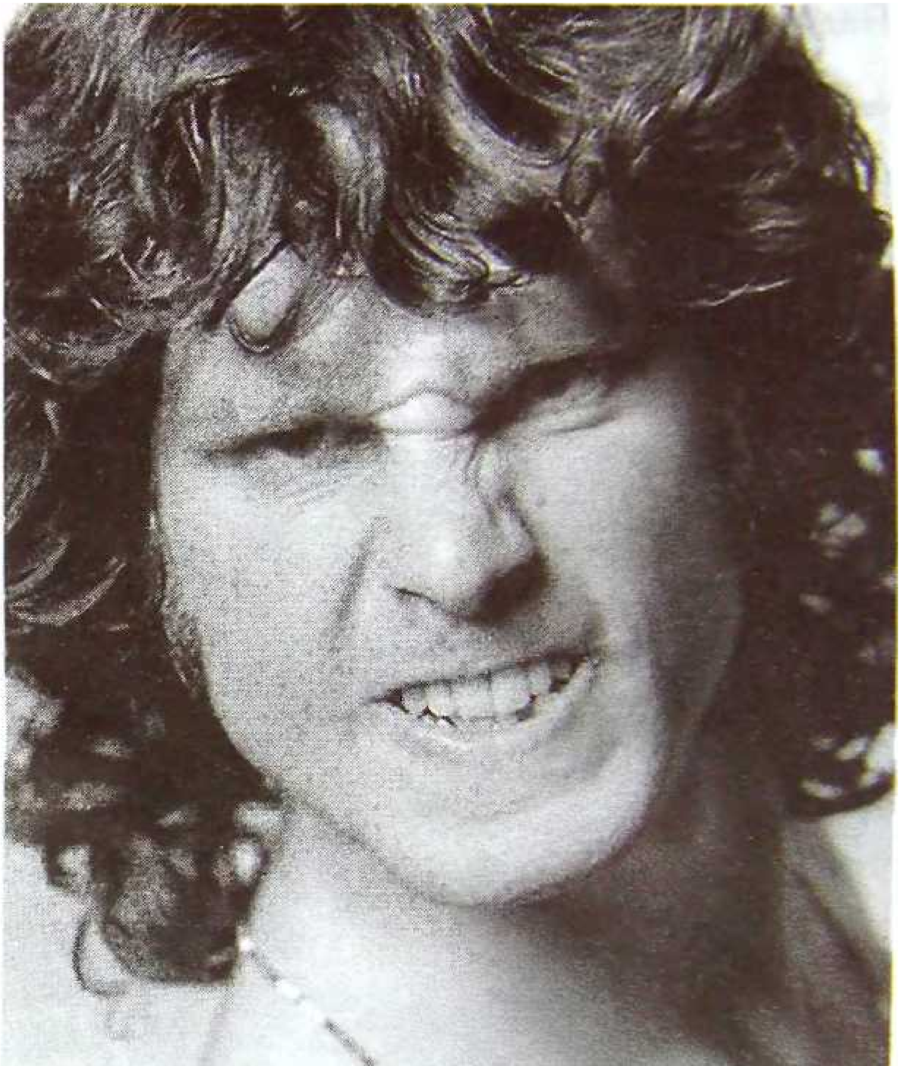
В тот вечер Джим перебрал перед выступлением. Опоздав на репетицию, он заявился в клуб, слегка пошатываясь и нетрезво улыбаясь. Рей, Робби и Джон многозначительно переглянулись. Джон робко сказал:

— Послушай, Джим. Так нельзя. Мы еще ничего не добились, а ты уже строишь из себя короля. Еще не наступило то время, когда можно приходить вот в таком состоянии. Сюда придут люди. Они придут, чтобы послушать музыку, посмотреть на тебя. Ты — лицо группы и ты не должен выглядеть… так как выглядишь сейчас.

Моррисон пьяно расхохотался, похлопал Денсмора по плечу и уверенно заявил:

— Все под контролем, старина! Все пройдет отлично!

Первые пять-шесть песен Джим держался молодцом. Дальше его рассудок помутился, а тело перестало слушаться. Внезапно его накрыла волна звериной агрессии. Он уже не пел, он истошно орал, брызгая слюной и со слепой ненавистью вглядываясь в мелькающие перед ним лица.



Падение

То, что что-то пошло не так, первой почувствовала Пам. Затем начали волноваться и ребята. Остановить выступление они не решались. Стоя на самом краю сцены, Джим на мгновение по старой привычке повернулся к залу спиной.

Робби увидел его раскрасневшееся лицо, налитое злостью и неконтролируемым гневом… Моррисон очень резко и, видимо, неудачно развернулся, зацепился за провод и вместе с микрофоном полетел вниз со сцены. В зале поднялся девичий визг и мужская ругань. Музыка оборвалась.

Пам через весь зал бросилась к телу Джима. Тот, судя по всему, потерял сознание…

Через пару минут администрация объявила об окончании концерта, а ребят попросили выплатить штраф за сломанное оборудование и навсегда убраться из этого места.

Далеко пойдешь, парень!

Как-то к молодому Моррисону на улице подбежал мальчишка лет двенадцати. Беззубо улыбаясь, он спросил:

— А ты и есть тот самый Моррисон?

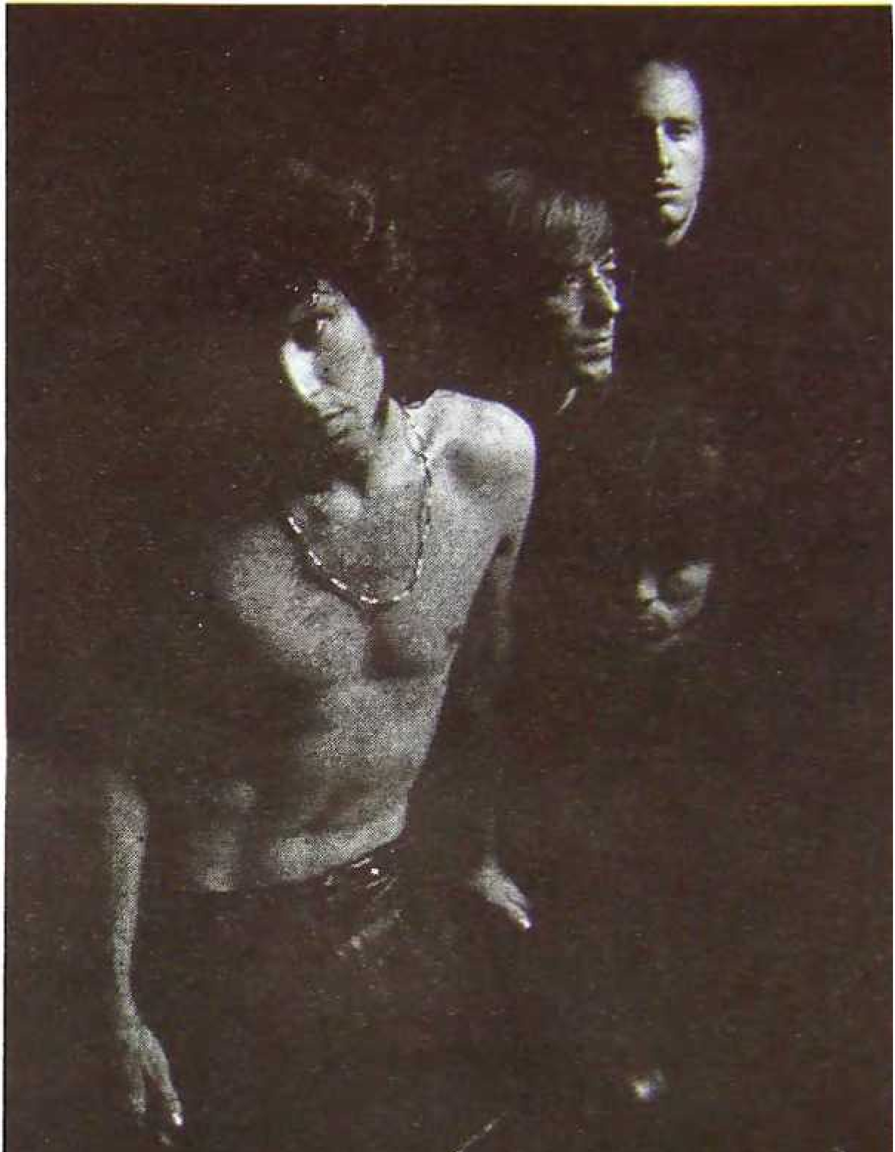
Джим был польщен, но сделал вид, что не понимает, о чем речь. Ему хотелось выслушать как можно больше комплиментов в свой адрес.

— Что ты имеешь в виду? Может, ты меня с кем-то путаешь?

— Да нет же, — парнишка хитро прищурился, — Я знаю, ты Джим Моррисон, ты поешь с тремя придурками, ты еще недавно со сцены грохнулся в клубе. У меня там брат работает.

Моррисон покраснел и натянуто улыбнулся:

— Прости, но ты меня точно с кем-то путаешь. А впрочем… Далеко пойдешь, парень!



Поиски места пол солнцем

«Дорз» оказались, в буквальном смысле этого слова, на улице. После случая в «Whisky-A-Go-Go» их больше не приглашали ни в клубы, ни на сборные концерты. Репутация молодой группы была подмочена… Так думали хозяева заведений. Но поклонники и поклонницы по-прежнему хотели видеть своих любимцев на сцене. Ребята и сами мечтали давать нормальные концерты на хороших площадках, но возможностей и связей было недостаточно. Немного поразмыслив над ситуацией, «Дорз» решили устраивать квартирники в домах своих друзей — сборища с огромным количеством выпивки, хорошего настроения и, кончено же, музыки. Они играли на крышах, верандах, террасах, кухнях… Это было отличное время, когда народ собирался, чтобы просто послушать песни. Молодость, азарт и романтика били через край. С каждым таким концертом, помимо основной компании, собиралось все больше и больше людей, многим не хватало места. «Дорз» всерьез задумались о поиске подходящего клуба, куда их могли бы принять.

Его Величество Случай

Однажды на очередной квартирник явился нетипичный для окружения «Дорз» персонаж — высокий мужчина в сером деловом костюме и строгих очках в тонкой оправе. Он пришел один, молча сел на грязный стул в своих безупречных брюках и долгим и внимательным взглядом посмотрел на ребят, настраивающих инструменты. Парни переглянулись и пожали плечами: «Что еще за чудак?». «Дорз» начали играть…

Народ аплодировал, подпевал, притоптывал в такт, девушки танцевали, парни выпивали. И только странный мужчина, сидящий в углу, оставался серьезен и спокоен. Медленно затягиваясь сигарой, он что-то записывал в толстом блокноте. Джиму стало как-то не по себе, он заподозрил что-то неладное в этом человеке. Его начали мучить нехорошие мысли. «Откуда он узнал о концерте? А вдруг это какая-то проверка? Нужно срочно избавиться от травы и таблеток…»

«Дорз» отыграли программу, но никто не спешил расходиться. Настало время для общения старых друзей и встреч новых. Эти вечеринки иногда затягивались до самого утра. Джим поискал в толпе глазами загадочного незнакомца, не нашел его и хотел облегченно вздохнуть, как вдруг кто-то сзади окликнул его. Он обернулся — перед ним стоял тот самый человек в сером костюме.

— Мистер Моррисон, я бы хотел серьезно с Вами поговорить, если позволите…

Джим почувствовал, как холодеют кончики его пальцев, и мысленно приготовился к самому худшему.

Меня зовут Ротшильд

Человек в костюме продолжил:

— Меня зовут Ротшильд, Пол Ротшильд. Возможно, Вы слышали эту фамилию. Дело в том, что я занимаюсь продюсированием, и меня заинтересовала Ваша группа.

Онемели не только пальцы, но и язык, и голова, и все тело. Джим не знал, что делать, что говорить и как себя вести. Он был готов ко всему на свете, но только не к такой невероятной удаче.

Полеты наяву

Джим неподвижно лежал на полу, глядя в потолок и отрешенно улыбаясь. На этот раз доза оказалось достаточной для того, чтобы улететь мгновенно. Ждать почти не пришлось. Тело стало совсем легким, почти невесомым. Ему казалось, что он парит над землей. Сквозь туман он увидел обеспокоенное лицо Памелы. Она склонилась над ним, прикоснулась холодной ладонью к его разгоряченному лбу.

— С тобой все в порядке? Где ты?

Джим хотел засмеяться, но смех не выходил. Лицо скорчилось в странной гримасе. Язык непослушно коверкал слова. С огромным трудом Джим произнес:

— Мне хорошо. Так хорошо, словно я умираю. Словно все это со мной в последний раз. Я… счастлив. — Джим закрыл глаза.

Памела все еще стояла над ним и внимательно изучала это любимое, такое знакомое лицо. Сейчас оно казалось ей чужим и нехорошим. И эта застывшая улыбка на его губах больше походила на каменную ухмылку.

— Разве ты счастлив только там? Разве ты не любишь жизнь? Настоящую, простую жизнь… Где светит солнце, поют птицы, играют дети. Для чего ты постоянно убегаешь и прячешься в своих снах и видениях? Ответь!

Но Джим молчал. Его не было в этой комнате, в этом доме. Он летал где-то в других измерениях, и это казалось ему счастьем.

Царь Эдип и Король-Ящерица

До сих пор он не мог объяснить себе, что нашло на него в ту ночь, и какая сила руководила им. Иногда он начинал видеть себя как будто бы со стороны и не мог руководить собой, иногда с ним это случалось. Так было и в тот момент. Он пел песню «Эдип» и внезапно с его губ сорвалась роковая фраза, погубившая и одновременно прославившая его: «Отец? Да, сынок? Я хочу убить тебя! Мама? Я хочу тебя трахнуть!». Толпа негодовала, администрация клуба, где они выступали, потребовала прекратить концерт. Джим помнил, с каким фееричным позором и скандалом они были выгнаны. Его невероятно забавляла злоба и ругань, чуть не завязалась драка…

Адреналин выбрасывался в кровь с утроенной силой. Джим взял бутылку самого крепкого коньяка и, сидя в луже прямо перед клубом, торжествовал, запивая свой триумф горьким алкоголем. Он орал вслед прохожим: «Я король, мать вашу! Я Король Ящерица, я все могу!», и ему было абсолютно плевать, кто и что о нем думает.

Вперед и только вперед!

— Он оставил свой телефон. Что делаем, парни? — Звоним. И соглашаемся, — уверенно сказал Джим.

— Но тогда мы станем зависимы от этого мужика — недоверчиво протянул Робби.

— Если мы не станем зависимы от этого мужика, мы станем независимыми и никому не нужными. Просек? Двери одна за другой закрываются, а время не ждет. Или ты собираешься до старости играть на квартирниках для кучки людей? Нам нужны толпы, полные залы, стадионы.

Повисло напряженное молчание.

— Итак, — вздохнул Джим, — Вы как хотите, а я звоню.

— Ты ставишь условия, старина? Вроде бы мы все договаривались делать вместе…

— Я просто реально оцениваю ситуацию. Без меня вам не выплыть.

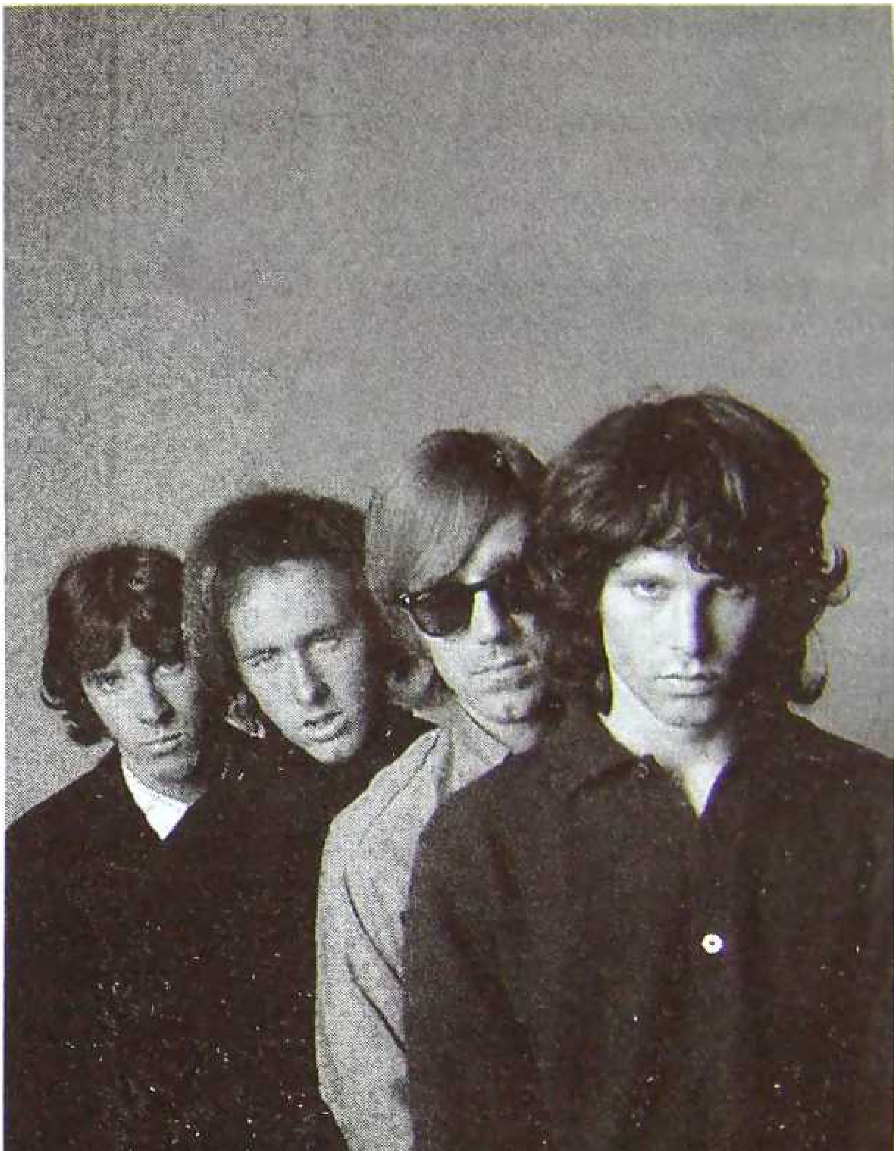
Рей, Джон и Робби переглянулись.

— Хорошо, звони. Посмотрим, что из этого выйдет.

Через два дня на белом бланке контракта стояло пять подписей — Джона Денсмора, Робби Кригера, Рея Манзарека, Джима Моррисона и Пола Ротшильда.

На взлетной полосе

Ротшильд всерьез занялся продвижением «Дорз». Один за другим он организовывал концерты, размещал рекламу, договаривался о телевизионных эфирах. Уже спустя три недели с момента заключения договора, песни «Дорз» стали появляться на радио. Пол сделал огромную ставку на ребят, и ему не хотелось проигрывать. Он работал на группу, группа работала на него. Корабль по имени «Дорз» стремительно несся среди бушующего океана к зеленому острову. Острову успеха, признания и славы. В рамках пиар-компании группы была организована пресс-конференция для журналистов из лучших изданий. Сыпались вопросы, отскакивали от зубов заранее приготовленные ответы, стреляли вспышки фотоаппаратов. Джим едва успевал улыбаться в нацеленные на него объективы. На секунду ему стало дурно, закружилась голова, в глазах потемнело. Захотелось выбежать из этого тесного и душного зала и заорать. Но он прекрасно понимал, что пока еще не настолько знаменит, чтобы позволять себе подобное поведение. Поэтому, вцепившись мертвой хваткой в подлокотник кресла, он продолжал устало, небрежно, но вежливо отвечать на глупые вопросы и натянуто улыбаться.



Мои родители погибли в автокатастрофе

Сквозь туманную завесу до него издалека долетели слова:

— Мистер Моррисон, что вы расскажете о своей семье?

— Моя семья — это я и Дорз. Кроме нас ничего нет.

— А как же Ваши родители?

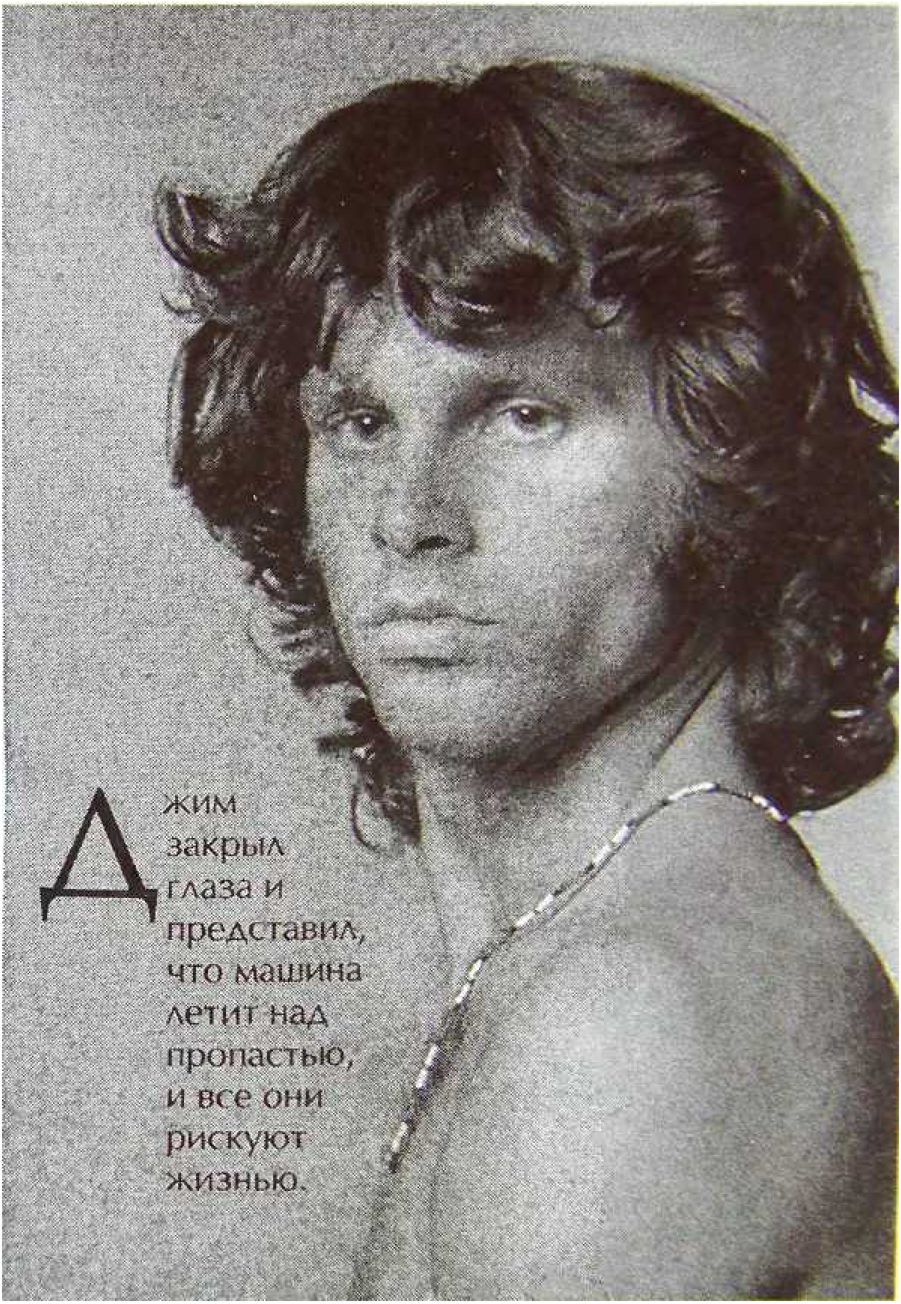
В сердцевине раскалывающейся головы будто взорвалось что-то и больно обожгло. Он вспомнил маму, заботливо поправляющую ему одеяло перед сном. Вспомнил отца, учившего его плавать. Вспомнил их небольшой и аккуратный дом, свою крохотную комнатушку, забитую пластинками, дневниками, нотными листами и тетрадками с текстами. Вспомнил ту ночь, когда ушел из дома. Пощечину отца, крик матери, свои беспомощные слезы под дождем. Пару секунд промолчав, он очнулся и очень сухо произнес:

— Мои родители погибли в автокатастрофе.

Верхом на урагане

Они неслись на бешеной скорости по пустому шоссе. За рулем был Джон Денсмор, самый трезвый из «Дорз». Орала музыка, ром лился рекой, смех не утихал. Четыре ярко накрашенные девицы в коротеньких юбочках пьяно улыбались и подпевали. Та, что сидела на коленях у Джима, то и дело пыталась заткнуть ему рот слюнявым поцелуем. Моррисон был одновременно здесь и где-то совсем далеко отсюда. В его голове крутилась мелодия «Riders on the storm»: «Верхом на урагане, в дом, где мы рождены, в мир, куда мы брошены, как пес без кости, одинокий актер, оседлав ураган». Джим закрыл глаза и представил, что машина летит над пропастью, и все они рискуют жизнью.

На секунду им овладело желание врезаться во что-нибудь и погибнуть вот так — в самом расцвете, держа в руке бутылку и обнимая случайную подружку. Вдруг он почувствовал резкий толчок и торможение. Раздался женский визг, матершина, вой сирены. Из этого гама Моррисон успел выловить только одну фразу, сдавленным шепотом произнесенную Робби: «Нам конец. Легавые». Через лобовое стекло Джим увидел две фигуры в форме. Дальнейшее он помнил смутно: кто-то открыл дверь, их заставили по одному выйти, долго обыскивали. Нашли два пакетика травы и порошок. Джим кричал: «Ублюдки, посмотрите, кто перед вами стоит!». За эти слова он получил удар дубинкой по спине. Упав на асфальт и разодрав в кровь ладони, он прохрипел: «Ненавижу легавых!».


Джим закрыл глаза и представил, что машина летит над пропастью, и все они рискуют жизнью.

Живи ярко, умри быстро

— Почему ты так часто думаешь и говоришь о смерти? — спросил Рей.

— Старина, меня интересует все, что за гранью, за пределом. Смерть — всего лишь одна из форм существования. В ней есть нечто притягательное и даже красивое. Да, именно красивое. Смерть как трип от таблеток, кислоты или порошка. Душа отделяется от тела, и в этом полете приходит осознание высшего. Это дарит свободу.

— Да, но из трипов возвращаются, а оттуда — уже нет.

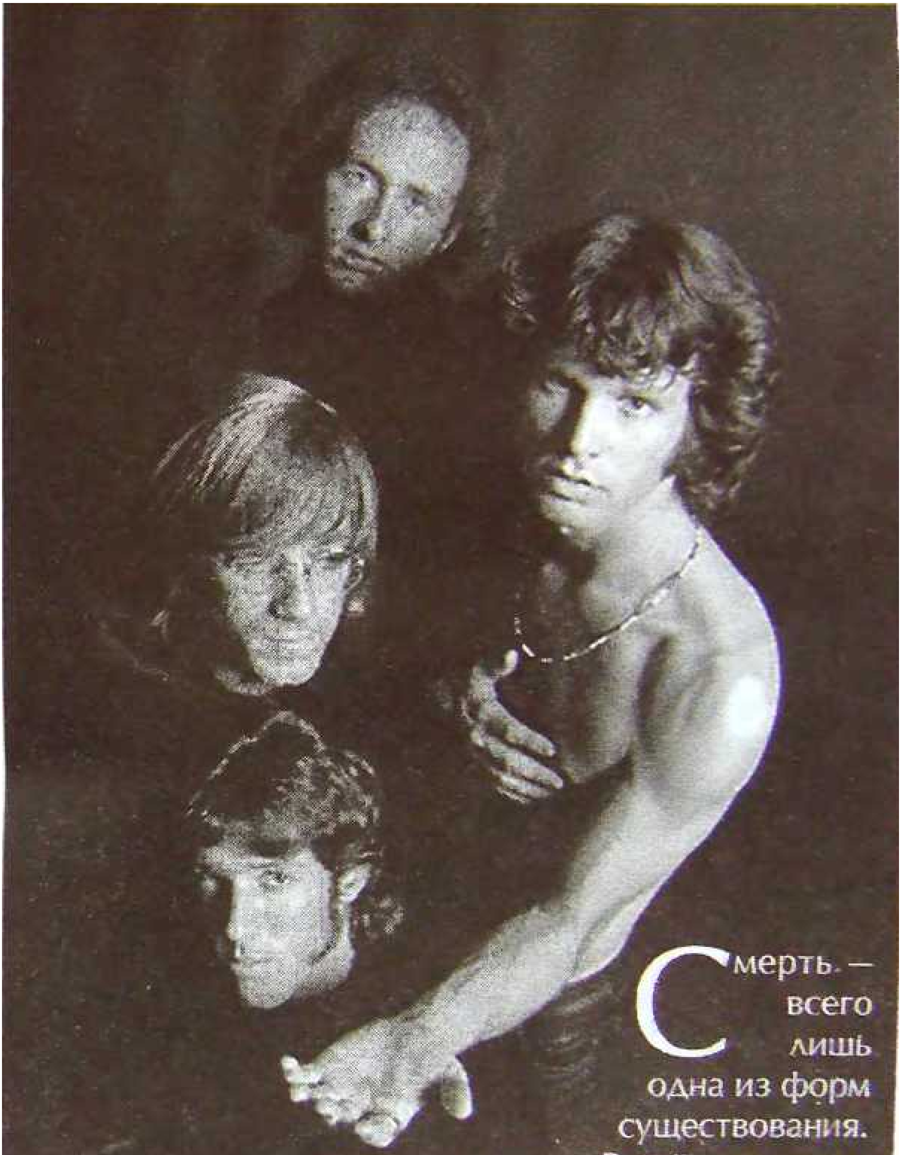
— А разве ты не хотел бы испытывать вечный кайф, вечное спокойствие и умиротворение?

— Нет, спасибо. Я еще жить хочу.

— Да я тоже не тороплюсь. Пока не тороплюсь. Настанет мой черед, и я шагну смело, без страха. Идеальная смерть — это смерть с улыбкой на губах.

— Ты несешь полный бред. У смерти нет улыбки. Есть только кривая ухмылка. Да и кто тебе сказал, что там тебя ждет спокойствие, умиротворение и прочее?

— Мне сказали. По секрету. — Джим загадочно улыбнулся и потянулся за очередной рюмкой.


Смерть. –
всего
лишь
одна из форм
существования.
В ней есть нечто
притягательное и
даже красивое.

Опьянение

Первый концерт, устроенный Ротшильдом, Дорз отыграли на хорошей площадке с отличным звуком и светом. Пол заказал новые, высококачественные инструменты, изготовленные специально для группы и привезенные из Германии. Кроме того, великолепная четверка могла похвастаться прекрасным внешним видом — продюсер позаботился и о костюмах. Джим стоял за кулисами, нервно курил и с волнением поглядывал в зал. Народу собралось много, почти все места были заняты. Джиму удалось выхватить из толпы несколько знакомых лиц, и это придало ему уверенности. Сзади подошла Пам, нежно обняла его за плечи и шепнула на ухо: «Не забывай, ты лучший. Все получится!». Подбежал Пол, крепко сжал руку Моррисона и выпалил: «Не подведи, умоляю. Через двадцать секунд выходи. Не забудь поздороваться с залом и не вздумай поворачиваться спиной». Десять, девять, восемь… Шел томительный обратный отсчет. Сердце зашкаливало, а ноги подкашивались. Ротшильд дал знак, кивнув головой, и ребята вышли под ровные и сдержанные аплодисменты, пока не ставшие овациями…

Счастье

День, когда я самый первый раз вышел на сцену в клубе и день, когда я впервые вышел на большую сцену для сотен людей — это как два разных наркотика. Кайф получаешь в обоих случаях, но каково качество этого кайфа… Мне удалось завладеть толпой. Не горсткой людей, а целой толпой. Они хлопали в ладоши, они радовались и, самое главное, — они подпевали. Я перестал бояться их. Все волнение куда-то ушло, остался только драйв. Я раздаривал себя по кускам, я выбрасывал себя в зал на все сто процентов. Это было счастьем»

Тайна

Ему снова снилось, что он стоит один посреди пустыни, погруженный в свои мысли. Сухой ветер трепал волосы. Он чувствовал каждым позвонком чье-то присутствие. Обернулся — никого. Перед ним словно расстилалась сама бесконечность. Не было пространства, и не было времени. Была только эта манящая и одновременно пугающая невесомость. Тело казалось таким легким, что можно было без труда подняться в воздух. Ощущение того, что кто-то находится рядом, не оставляло его. Он не испытывал ни беспокойства, ни страха, — его наполняло удивительное умиротворение, словно за спиной стоял ангел-хранитель. «Кто ты? Я хочу видеть тебя», — произнес он шепотом. Ветер подхватил слова, поиграл ими и медленно рассеял в густом горячем воздухе. «Это я, я рядом» — прозвучал ответ. Прикосновение теплой ладони показалось таким знакомым…

— Спасибо, что не оставил меня.

— Я иду за тобой, я слежу за тобой, человек.

— Почему ты охраняешь именно меня?

— Я охраняю не тебя, человек. Я охраняю ту часть, которая принадлежала мне и стала твоей.

— Так значит…

— Да, это я. С того самого дня в тебе живет сила. Моя сила, сила шамана. Ты ее Хранитель. Будь осторожен с ней, она опасна…

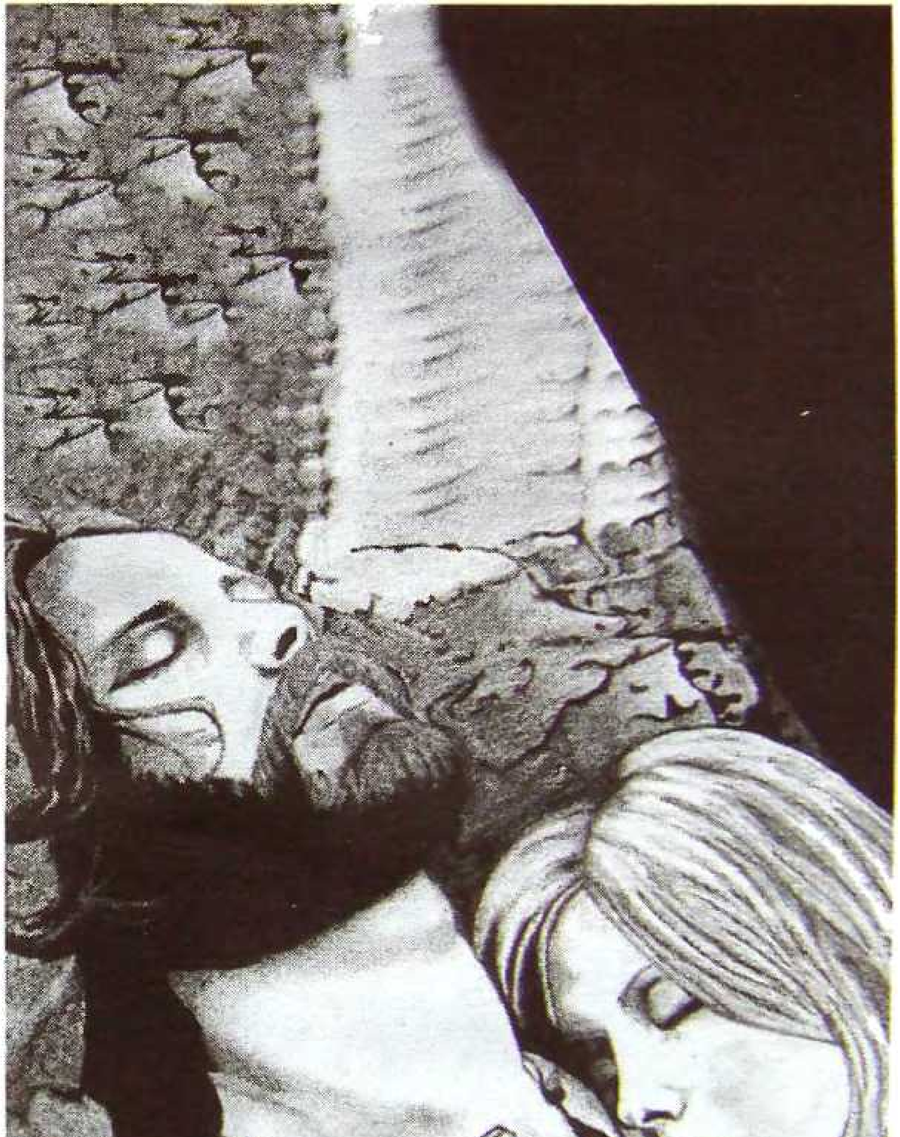
Старик умолк. Его голос растворился в песке и ветре. Джим сделал глубокий вдох и проснулся.

Репетиция смерти

Пам зашла в дом. Внутри было темно и очень тихо. «Джим!» — позвала она. Он не ответил. «Джим, ты здесь?» — снова молчание. Она прошла в спальню, включила свет — комната была пуста. Пам подняла глаза и увидела на потолке мокрые разводы… На втором этаже ее ждал сюрприз — пол был примерно на сантиметр залит водой. «Что он там делает?! Уснул что ли?» — с раздражением подумала она и резко дернула ручку двери. В лицо ей дохнул теплый густой пар. Когда он рассеялся, она увидела Джима, спокойно лежащего в ванной. Горячая вода переливалась через край. Пам закричала:

— Что, черт возьми, здесь происходит?! Выключи кран, нас затопит!

Моррисон не сделал ни единого движения. Он лежал как неживой, с закрытыми глазами и будто не слышал Памелу. Она сняла туфли и по этой горячей воде медленно пошла к нему. Приближаясь с каждым шагом, она забывала о текущем кране, испорченном потолке и вымокшей одежде. В ее голове билась только одна мысль, только одно желание — лишь бы он был жив.



Дурацкая шутка

Дрожащей рукой Пам прикоснулась к его плотно сжатым губам:

— Ты спишь? Проснись! Вставай же!

Но Моррисон продолжал молча лежать, по горло в воде. Она схватила его за руку и начала изо всех сил трясти:

— Поднимайся, очнись! Пойдем со мной… — по лицу Пам текли слезы. — Пожалуйста! Скажи, что все это шутка! Пожалуйста…

Джим резко открыл глаза, широко улыбнулся и сказал:

— Ты угадала. Ты так смешно волновалась за меня… Он не успел договорить. Пам влепила ему смачную пощечину.

До последнего вздоха

Джим и Пам. Они болтали по ночам, сидели на крышах, мечтали, летали во сне, обнимаясь; летали наяву, держась за руки; смотрели фильмы, читали вслух, считали звезды. Кормили друг друга с ложечки, гуляли до рассвета, провожали закаты, смеялись, грустили, ссорились, мирились, сжигали друг друга и изнемогали друг от друга. Она была его малышкой, его девочкой — самой любимой, самой хрупкой, светлой, чистой, непорочной. Она была его земным ангелом. А он казался ей сильным и мудрым.

— До последнего дня, до последнего вздоха я хочу быть с тобой, — шептала она, прижимаясь к нему, — И, знаешь, я все время боюсь за тебя. Не знаю, почему. У меня предчувствие какой-то беды…

— Перестань, милая. Ведь все хорошо.

— Да, конечно. Только ты береги себя, пожалуйста. Если что-то плохое приключится с тобой, я не вынесу. Я за тобой шагну, куда бы ты ни пошел. Но что бы с тобой не случилось, я буду рядом. Я тебя не оставлю. До последнего дня, до последнего вздоха.

Обнимая его и шепча эти слова, она не знала, насколько они фатальны и как она окажется права…

Light my fire

— Если мы хотим записывать альбом, нам нужна песня-визитка. Точная и запоминающаяся… — серьезно сказал Рей.

— И что, есть идеи?

— Идей пока нет… Но одно я знаю точно — эта песня должна быть супер, должна производить впечатление… Нам необходимо зажечь пламя в сердцах и умах.

— Зажечь пламя, говоришь? — Джим чиркнул зажигалкой, вспыхнул маленький трепещущий огонек. Моррисон внимательно посмотрел на него, улыбнулся своим мыслям и загадочно произнес:

— Давай, детка, зажги во мне пламя! Пусть всем станет жарко.

Колдовство

Слова появлялись сами собой — словно уже были написаны давным-давно, но исчезающими чернилами. Джим чувствовал себя шпионом или волшебником, колдующим над листом бумаги. Он вытаскивал из сознания и проявлял строчку за строчкой. Перебирая струны, он подпевал своему внутреннему голосу и легко запоминал мелодию. Она была невероятно проста, но в ней была заключена какая-то особая магия. «Зажги во мне пламя, зажги во мне пламя» — повторял он шепотом, будто заклинание. В его голове уже звучал шикарный проигрыш. Он представлял Дорз в полном составе, на огромной сцене. Он видел перед собой восторженные глаза Памелы. Он слышал рев и овации набитого битком зала. Он был весь внутри этой песни. Он горел ярким и горячим пламенем и чувствовал в себе невероятную силу этого огня.

Триумф

Таким взволнованным и счастливым Пола Ротшильда еще не видел никто и никогда. Он ворвался в двери репетиционный базы Дорз и почти во весь голос закричал: «Мы сделали это! Мы сделали это!!!».

Ребята перестали играть и, мягко говоря, сильно удивились такому поведению продюсера. На мгновение всем четверым показалось, что он не в себе.

— Хм, прости, Пол, а что именно «мы сделали»? — осторожно спросил Джим.

— Вы что, не смотрели телевизор и не слушали радио?

— Нет… А в мире произошло что-то важное?

— Не то слово! Сенсация!!! Наша песня «Light my fire» появилась в эфире неделю назад… Так?

— Ну да, мы в курсе, — усмехнулся Робби.

— Так вот, сегодня объявили рейтинги. В хит-параде мы на первом месте!

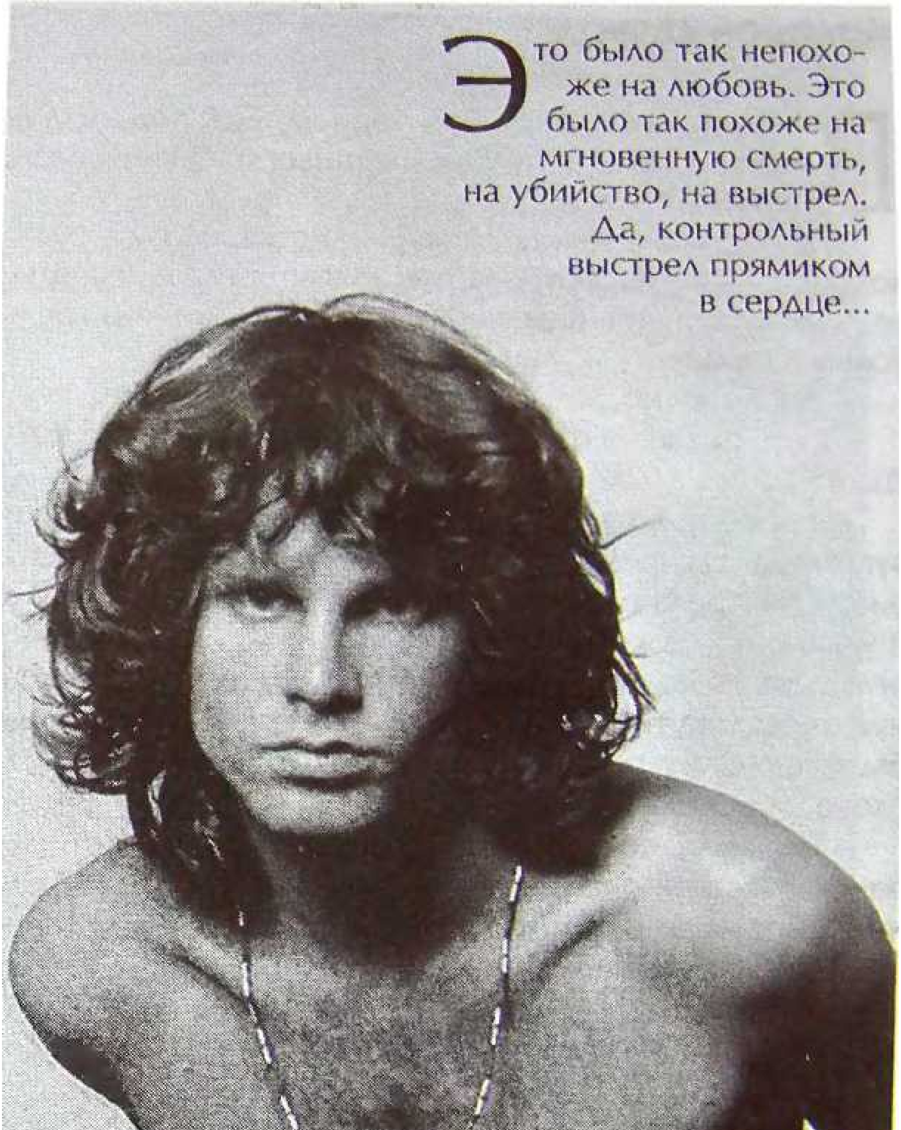
Джон выронил из рук барабанные палочки. Джим зачем-то резко встал. Робби резко изменился в лице. Один только Рей остался ошарашено сидеть за клавишами истуканом. Немая сцена длилась секунд восемь. Молчание прервал Джим. Он топнул ногой и смачно выругался… Все вокруг облегченно рассмеялись, ведь это значило, что Моррисон был счастлив.

Дверь в никуда

В кромешной темноте он поднимался по узкой лестнице без перил, наугад наступая на высокие ступени. Он не видел абсолютно ничего и только чувствовал, что его окружает пустота. Лестница словно была подвешена в пространстве, под ней была космическая бездна. Джим знал: одно неверное движение — и он полетит вниз с головокружительной высоты. Он чувствовал себя канатоходцем. С каждым шагом дышать становилось все труднее. Лестница казалась бесконечной. Превозмогая усталость, он поднимался все выше и выше. Силы были на исходе, хотелось сесть и отдышаться, но останавливаться было нельзя. Он не знал, сколько прошло времени к тому моменту, когда перед ним внезапно возникла преграда… Джим вытянул руку вперед и нащупал гладкую металлическую поверхность. Рука скользнула вниз и наткнулась на что-то вроде дверной ручки. Он потянул ее на себя. Дверь открылась. За ней была глухая кирпичная стена. К горлу подступил комок, он почти готов был зарыдать, и тут Джим резко проснулся.

Помешательство

«Это было для меня мучительно, словно самая медленная и изощренная пытка. Она держала мое сердце на ниточке над горящей свечой и медленно плавила его. Я страдал, а она наслаждалась этим. Я проклинаю тот миг, когда мы встретились глазами… В ту секунду где-то, наверняка, прогремел взрыв, пронесся ураган, случилась катастрофа. Мир не устоял. Я летел вниз, в бездну, с невероятной высоты и в этом полете дышал как в последний раз — жадно и сладко. Я добровольно шагнул в клетку с голодным тигром. Я ступил на дорожку, посыпанную битым стеклом. Это было так непохоже на любовь. Это было так похоже на мгновенную смерть, на убийство, на выстрел. Да, контрольный выстрел прямиком в сердце…»


Это было так непохоже на любовь. Это было так похоже на мгновенную смерть, на убийство, на выстрел. Да, контрольный выстрел прямиком в сердце...

Молодой дьявол

Высокая, бледная, вся в черном, она подошла к нему, держа в тонких изящных пальцах бокал шампанского…

— Я Патриция Кеннели, журналистка. Могу задать вопрос? — она посмотрела ему прямо в глаза. На дне ее темных зрачков плескалась тайна, желание и грех. Джим оторопел.

— Да, конечно, задавайте…

— Тебе никто не говорил, что ты похож на молодого Дьявола?

Моррисон потерял дар речи. Впервые в жизни он чувствовал смущение и не знал, что сделать с этим. Патриция смотрела на него неотрывным прямым взглядом и улыбалась. Джим боялся поднять глаза и рассеянно оглядывался по сторонам, будто в поисках помощи. Он чувствовал жуткую слабость во всем теле. Ему проще было провалиться сквозь землю, чем произнести хоть слово или сделать движение.

— Ты чем-то обеспокоен? Лучше выпей шампанского, расслабься… — она протянула ему бокал. Он обратил внимание на ее длинные острые ногти, покрытые ярко-красным лаком, и ему снова стало дурно. Стараясь не смотреть на нее, он дрожащими руками взял бокал и выпил его залпом.

Кокаиновое знакомство

— Может, скажешь что-нибудь, Моррисон?

— Прости, со мной что-то не то… Я себя неважно чувствую.

— Ммм… Я знаю отличное средство от всех недугов. Веришь? Оно у меня в машине. Пойдем, я покажу тебе. Кстати, не хочешь кокаина? Могу угостить… — Патриция взяла его за руку и сжала до боли. Джим чуть не вскрикнул. — Здесь так скучно и шумно. Давай уйдем! — не дождавшись ответа, она потащила его за собой к выходу. Повинуясь чему-то гибельному, темному и неясному, он безвольно поплелся за ней.

Маленькая смерть

То, что произошло той ночью, Джим почти не запомнил, но в его память навсегда врезался тусклый мистический свет фонарей сквозь лобовое стекло, оголенные ветви деревьев, бледное измученное лицо луны и сводящий с ума запах… Запах, заставляющий все тело ныть в сладкой истоме. Запах, ударяющий в голову крепче любого спиртного. Запах, проникающий в сердце, растекающийся по венам, заполняющий легкие. Шатающейся походкой он подошел тогда к телефону-автомату, вслепую набрал номер… Он даже не посмотрел на время, а было уже три часа ночи. После первого гудка Пам сняла трубку. Срывающимся голосом она спросила:

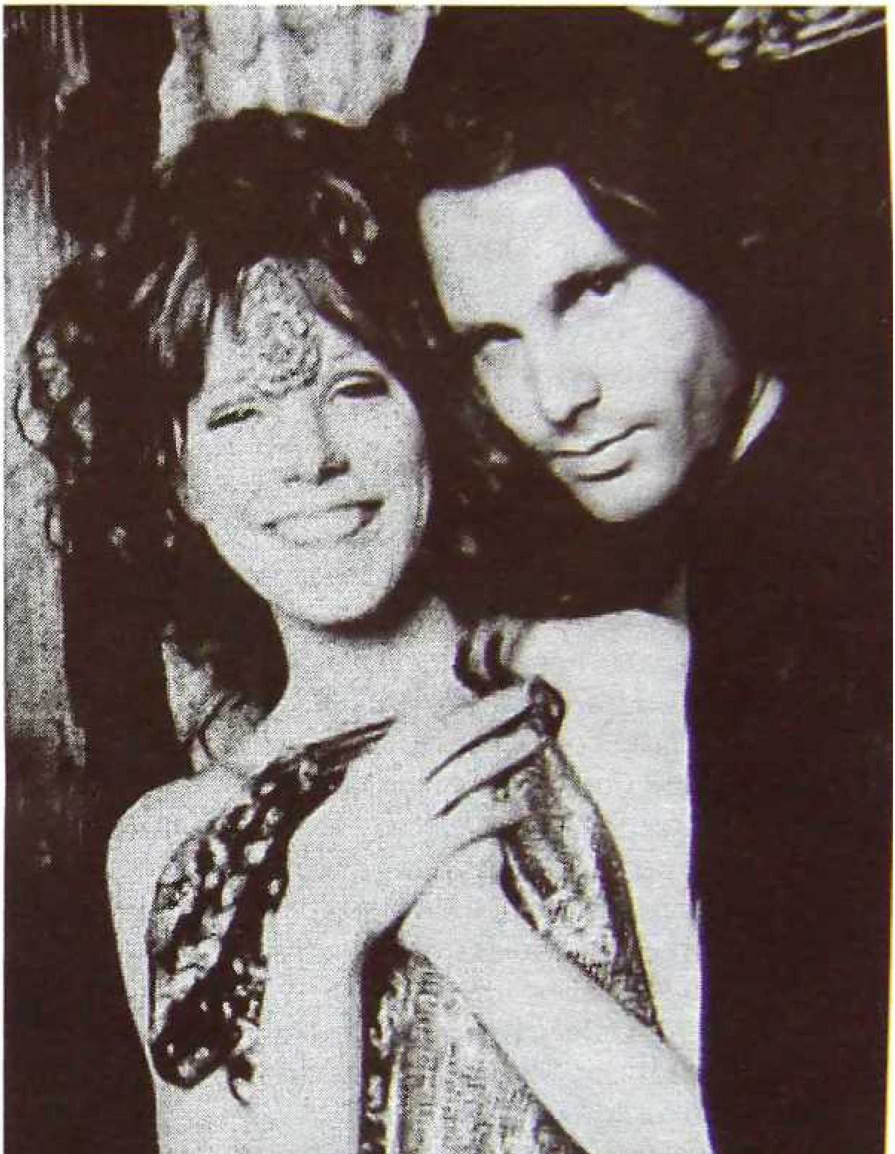
— Где ты?..

Он врал что-то про ночную съемку и про то, что останется ночевать в студии. Она не верила, но говорила, что все хорошо и что будет ждать его утром.

— Я не могу уснуть без тебя. Так пусто… Я люблю тебя.

Джима словно окатило ледяной водой. Он ответил

«Я тоже» и сразу же повесил трубку. Патриция позвала его из машины. Пару секунд он простоял в оцепенении, а затем, будто под гипнозом на ватных ногах пошел к ней… Все, что было дальше, казалось сном, бредом, галлюцинацией. Дорожка белого порошка, ее сильные и властные руки, кружение низкого потолка над головой и фантастической силы взрыв.



Мое имя — Шаман

«Джим Моррисон обладал прекрасной душой с глубоким чувством абсурда. Ему претила сама мысль о том, чтобы стать иконой. Он был одним из величайших иконоборцев всех времен и народов. Я думаю, он бы просто посмеялся над своим настоящим статусом — а потом послал бы всех подальше в той южной джентльменской манере, за которую я так любила его», говорила Патриция Кеннели в своем интервью журналу «Американские легенды».

Оставалось меньше пяти минут. Джим сделал пару глотков виски из фляги. Теперь он был готов к выходу. Тем вечером «Дорз» давали грандиозный концерт в Нью-Йорке. Тысячный зал был забит до отказа: живое море ревело. Стоял невероятный шум и суматоха. Фанаты жаждали увидеть и услышать своих кумиров. Первым под нарастающий вопль толпы вышел Робби Кригер, за ним Джон Денсмор, потом Рэй Манзарек. Последним появился Джим. Зал взорвался. Моррисон подошел к микрофону и резко поднял руку вверх. Толпа притихла в ожидании, по рядам прошел шепот: «Тихо! Сейчас ОН будет говорить». Джим окинул мутным взглядом пеструю массу и произнес: «Вы ждете, что я буду что-то говорить? Вы думаете, что сейчас вы слышите Джима Моррисона? Не будьте идиотами. Мое имя — Шаман. Если вы чего-то не поняли, вам здесь не место».

Зал пару секунд недоуменно молчал, люди напряженно переглядывались, пока откуда-то с задних рядов не поднялась волна восторженных аплодисментов. Что бы ни говорил Джим, он был безоговорочно прав.

Шрам на сердце

— Откуда у тебя на спине эти царапины? — обеспокоено спросила Пам.

Джим не знал, что ответить. Запинаясь и путаясь, он произнес:

— Да так… Одна сумасшедшая фанатка. Я после концерта снял рубашку, было очень жарко… Она каким-то чудом пробралась за кулисы и вцепилась в меня мертвой хваткой. Еле оттащили.

— Знаешь, я ревную тебя ко всем ним. К каждому взгляду, к каждому слову из этой толпы. Мне так страшно, что они могут забрать тебя у меня.

— Не говори глупостей, малыш. Ты же знаешь, я принадлежу только тебе. Пойми, я публичный человек, у меня есть поклонники. И поклонницы. Я должен быть им благодарен за то, что они ценят меня. Я не могу пренебрегать их вниманием, не имею права.

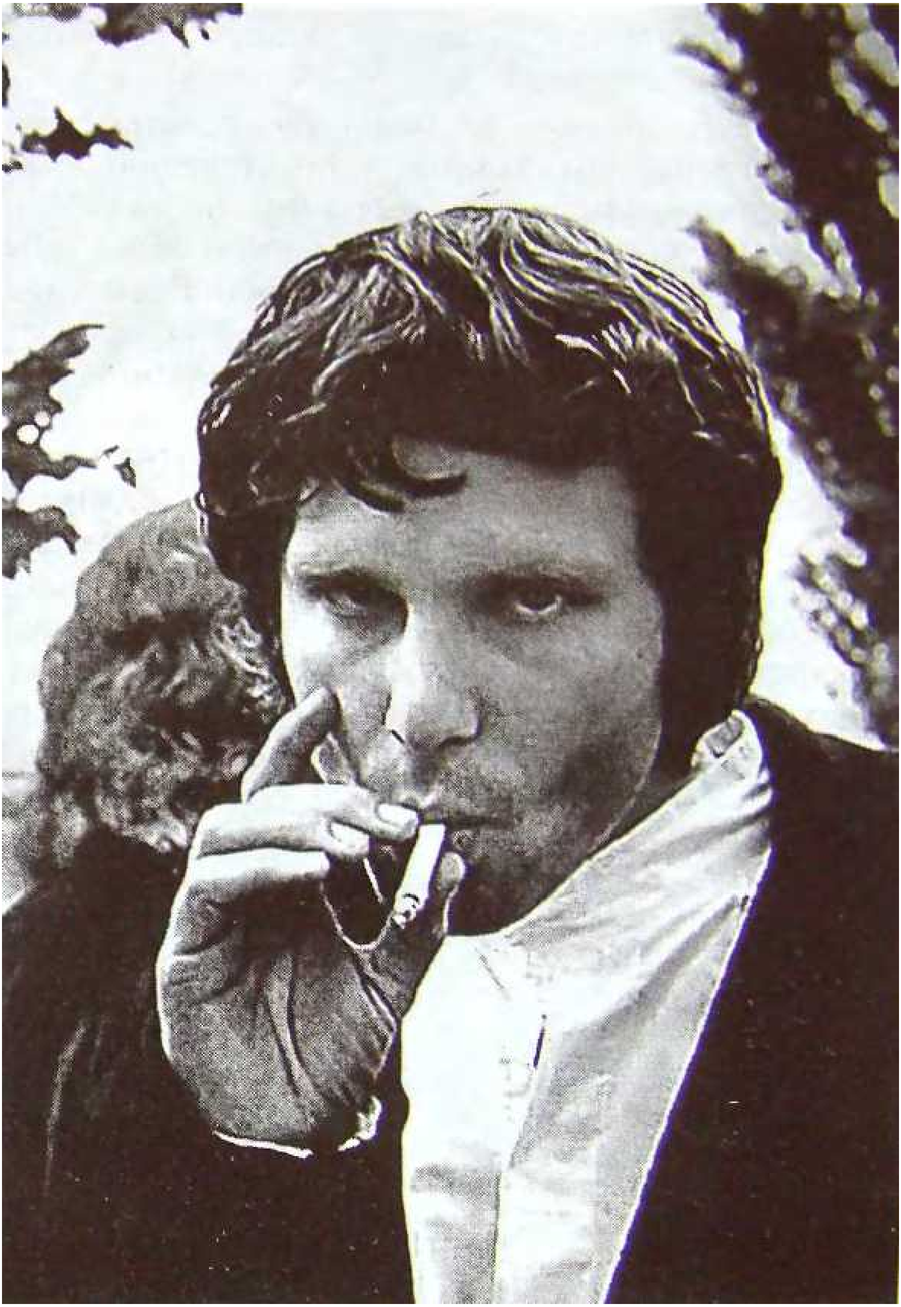
— Да, но… Обещай, что не подпустишь их слишком близко. Каждая царапина на твоей спине — шрам на моем сердце.

— Успокойся, милая. Все хорошо.

Он обнял ее как маленькую девочку, как невинного ребенка. Он готов был заплакать, уткнувшись лицом в ее прекрасные волосы. Он чувствовал себя самым последним подонком на земле. Он готов был встать на колени и признаться во всем. Но не сделал этого. Только нежно поцеловал в висок.

Ангел и чертенок, волшебница и ведьма

«Ничего сильнее я не испытывал ни от одного наркотика. Меня раздирают боль, желание, неисчерпаемое чувство вины, какое-то странное счастье, страх… Мне страшно. Безумно страшно. Каждое из чувств тянет в свою сторону, я разрываюсь. Я стою на границе между добром и злом, светом и угрожающей темнотой, необузданной страстью и тихим спокойствием, жизнью и смертью, в конце концов. И я не знаю, куда мне шагнуть, как сделать этот выбор. Я не в состоянии сейчас что-то предпринять. Моя душа принадлежит Пам, мои мысли и мое тело рвутся к Патриции. Ангел и чертенок, волшебница и ведьма. Проще выпрыгнуть из окна, чем продолжать это все. Двери сознания открыты слишком широко, в них свободно входит все подряд. Я проникаю во все, все проникает в меня. Это невыносимо. Я не могу вместить в себя и ту и другую. Во мне идет невероятная борьба. Кто-то один должен уйти. Возможно, это буду я…»



Карусель

Концерты, студии, репетиции, журналисты, полуголые фанатки. Усталость, опустошение, ежедневные дозы, уколы, дорожки, сны, таблетки, алкоголь, снова концерты… Джим словно видел себя со стороны, он наблюдал за самим собой. Все это напоминало отчаянное бегство. Он бежал, задыхаясь, от одной двери к другой. И за каждой дверью была еще одна дверь. И так — до бесконечности.

Он бежал за чем-то неведомым, пытался угнаться за неуловимым, бежал от себя, от всего происходящего, бежал за собой, бежал к себе. Машина работала, сердце стучало, адская карусель крутилась. Мелькали люди, лица, обрывки фраз и текстов. Все быстрее, быстрее и быстрее. Его тошнило, кружилась голова. Он не мог ничего остановить и ничего изменить. Он не мог спрыгнуть с этого ревущего поезда, несущегося в пропасть.

Шум и ярость

— Джим, я хочу с тобой поговорить, — тихо и доверительно сказал Рей.

— Знаю-знаю… Договор я подписал, через неделю едем записываться. Деньги делим как обычно.

— Нет, Джим. С этим все в порядке. Я о другом. Джон, Робби и я… Мы беспокоимся за тебя. В последнее время ты стал каким-то… Немного не таким, как раньше. Все в порядке?

— Да все отлично! Все просто прекрасно!

Рей внимательно и как-то печально посмотрел на Моррисона.

— Ты в этом уверен?

— Черт подери, Рей. Я уверен, что со мной все замечательно, а вы не уверены?! Выходит, вам, сукиным сынам, виднее? Так?

— Прости, нам просто показалось, что тебе следует быть поосторожнее с наркотой. Это все не идет тебе на пользу.

— Вам показалось?! Да пошел ты… Кто ты вообще такой, чтоб мне указывать?

— Я твой друг. И я желаю тебе добра.

— Друг? Смерть — вот единственный друг человека. Если ты себя им хочешь считать, то, будь добр, отвяжись. Нам еще работать вместе. Тексты пишу я, музыку тоже я, пою тоже я, все на мне. Хочешь остаться в группе — не читай мне нотаций. Я знаю, что делаю. И потом… Я-то без вас смогу, а вот вы без меня сгниете.

Продолжать разговор дальше не имело смысла. Рей тяжело вздохнул и оставил Джима одного.

Прогулки над бездной

Однажды он подвёл её к самому краю крыши. Свистел ледяной пронизывающий ветер, мокрый снег слепил глаза.

— Посмотри вниз. Видишь, как мы высоко, детка?

Замерзшими губами Памела прошептала:

— Да. Пойдем отсюда, пойдем домой. Там тепло и спокойно.

— Что с тобой, детка? — Джим обнял ее дрожащие плечи, — Я же рядом, а значит, бояться нечего. Помнишь, ты говорила, что будешь со мной до последнего дня и до последнего вздоха?

Пам стало немного не по себе. Рука Джима сильно, почти до боли сжала ее тонкое запястье.

— Помнишь или нет, детка? Ты врала мне? Ты врала, когда обещала это?! — в голосе Джима послышались визгливые металлические нотки.

— Н-н-нет, я никогда не врала тебе, — испуганно и осторожно ответила она.

Джим еще сильнее сжал ее руку.

— Значит, до последнего вздоха, так? Что ж, детка… А хочешь, я научу тебя летать? Это не больно. Ну давай, прыгай со мной! Испытай счастье полета! Возможно, я успею поцеловать тебя до того, как мы упадем на асфальт.

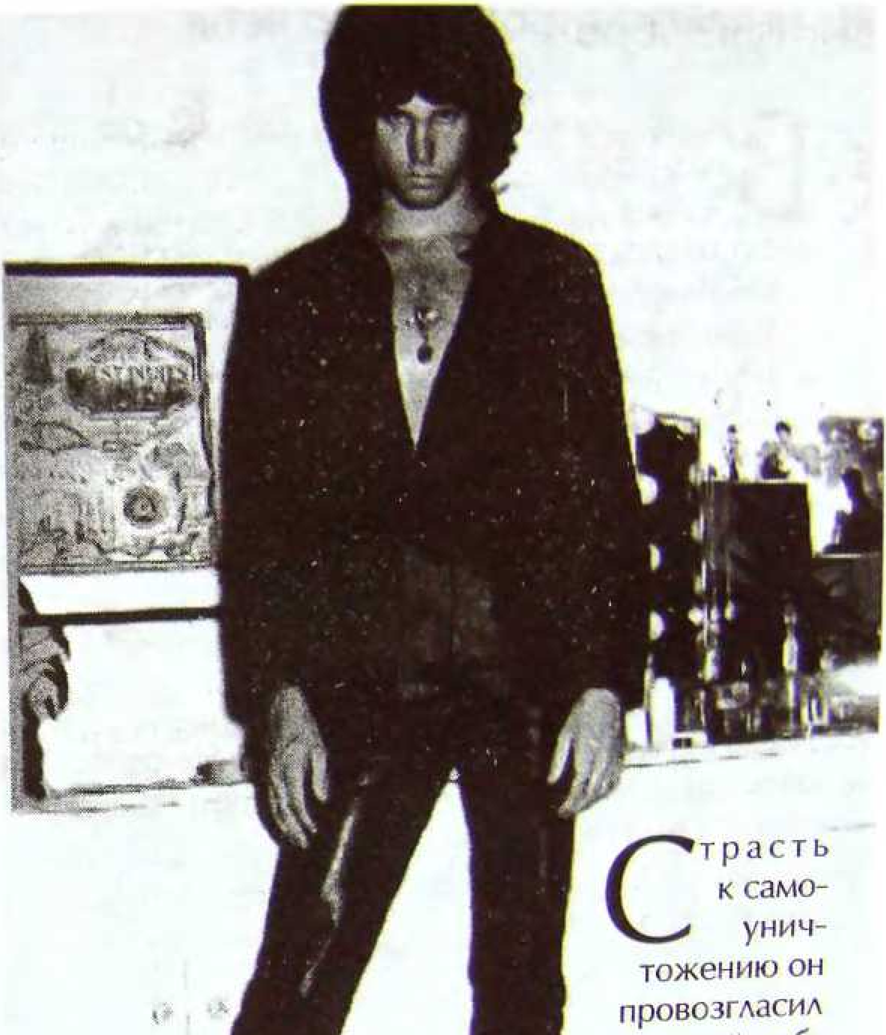
Памелу лихорадило. Ей вдруг стало очень жарко, по щекам текли горячие слезы:

— Джим, я прошу тебя… Не надо. Я сделаю все, что ты захочешь, только не это. Давай будем жить, давай будем вместе. Я умоляю тебя, не делай этого!

Высшая добродетель

С каждым разом концерты «Дорз» все больше и больше напоминали сборы огромной секты. Он в совершенстве научился управлять толпой. Толпа была послушна и податлива. С трепетом и огромным вниманием она внимала зачастую нетрезвым и несвязным пророчествам Джима. Люди приходили смотреть на Моррисона как на икону. Они медитировали, плакали, целовались и доходили до исступления под его песни. Толпа верила своему кумиру. Девушки пытались прорваться сквозь кордон полицейских, в экстазе срывая с себя одежду и бросая на сцену предметы нижнего белья…

Все это походило на фарс, на гротеск, и было в этой экзальтации нечто пугающее, нечто не совсем хорошее и правильное. Моррисон превращался на сцене не только в Шамана, но и в какой-то мере, в диктатора. Он объявлял религией музыку, свободную любовь и все способы расширения сознания, к которым так охотно прибегали тысячи его фанатов. А страсть к самоуничтожению он провозгласил высшей добродетелью…



Страсть к самоуничтожению он провозгласил высшей добродетелью.

Не пытайся дотронуться до неба

— Видишь ту высокую скалу вдали? — спросил индеец.

— Да.

— Что ты чувствуешь, когда смотришь на нее?

— Желание взлететь.

— Правильно. А зачем?

— Чтобы покорить вершину. Чтобы оказаться так высоко, как только можно.

— Ради чего? Представь, что ты уже стоишь на самом верху. Над тобой — небо. Под тобой — земля. Назад — нельзя. Шагнуть можно только вниз. И никого рядом. Ты бы был счастлив?

— Не знаю. Но во мне столько силы! Твоей силы, отец. Зачем же еще она дана мне?

— Все сон, все иллюзия, все это искушение, человек. Будь осторожен. Очень осторожен. Не смотри на вершины скал — они не сулят добра. Ходи по земле и не пытайся дотронуться до неба.

Не смотри на вершины скал — они не сулят добра. Ходи по земле и не пытайся дотронуться до неба.

Мы любим Дорз!

На одном из концертов «Дорз» произошел случай, заставивший даже самых преданных фанатов усомниться в адекватности Моррисона… Зал был, как всегда, переполнен, восторженные вопли раздавались из каждого ряда. Люди кричали: «Мы любим Дорз!», «Моррисон лучший!». Дошла очередь до легендарной композиции «Light my fire». Зал неистовствовал. Разгоряченная музыкой, опьяненная своим идолом и подбадриваемая криками толпы, одна из девушек легким движением руки швырнула свои трусики в сторону сцены. Они не долетели, а зацепились за фуражку одного из полицейских. По залу прокатился оживленный шепот и волна смеха. Громче и истеричнее всех смеялся в микрофон сам Джим. Корчась в судорогах, он показывал пальцем на полицейского:

— Порадуйся, коп! И тебе досталось немного внимания. Посмотрите все на него! Вот, кто сегодня красавчик. Вот, кого любят женщины! Вот, кто хозяин этой жизни!

К черту закон и порядок! Даешь беспредел!

Даешь беспредел!

Тысячи любопытных глаз уставились на стража порядка. Тот покраснел — не от смущения, но от переполняющей его злобы. Дальше — больше. Музыка умолкла, Джим подошел к самому краю сцены, присел на корточки, напротив молодого сержанта и, глядя ему в глаза, произнес:

— Иди сюда. Пусть все видят героя. Тебе ведь тоже хочется кусочек славы? Ну, признайся! Ты копом родился и копом умрешь. Ненавижу легавых! — Джим смачно плюнул в лицо полицейского. — К черту закон и порядок! Даешь беспредел!

Сержанта трясло. Толпа одобрительно ревела. Дальнейшее произошло молниеносно: на сцену выбежали здоровенные парни в форме. Ни говоря ни слова, они заломили Моррисону руки и увели туда, где ему навряд ли было весело.

Опасен для общества

— Вы осознаете свою вину? — строго и серьезно спросил мужчина в очках.

— Нет. Я ничего не сделал — Моррисон отвечал сухо и отстраненно. Стальные наручники непривычно натирали запястья. Здесь было холодно и пусто. Ему хотелось домой.

— Вы публично оскорбили сотрудника правоохранительных органов.

— Я никого не оскорблял. Это была всего лишь шутка. Неужели у легавых нет чувства юмора?

— Попрошу Вас подбирать выражения, мистер Моррисон. Это у Вас весьма странное чувство юмора. Ваше поведение агрессивно и Вы опасны для общества.

— А мне, кажется, что для общества опасны такие зануды как Вы.

— Что Вы себе позволяете?!

— Я позволяю себе то, что не решается позволить себе большинство. Люди живут в своих норах, в темноте, не видя всех граней этого мира. Они даже не осознают того, насколько они слепы и несчастны…

— Мистер Моррисон, Вам еще предстоит беседа с психологом, все это Вы ему и расскажете. А сейчас подпишите здесь и вот здесь. Вам придется провести сорок восемь часов в одиночной камере, у Вас будет время все обдумать.

Ведьмино логово

Этот дом походил на мрачный средневековый замок. Массивная мебель из темного дерева, холодный каменный пол, высокие и узкие стрельчатые окна, задернутые черными шторами, звериные шкуры, разложенные у камина, сверкающие мечи на стенах… С потолка свисала тяжелая люстра. В старинном шкафу хранились огромные золоченые тома, покрытые слоем вековой пыли. Все они были написаны на латыни: он ничего не понимал, а она в шутку говорила, что там собраны сильнейшие заклинания. Он почти верил ей… В этом доме почти всегда царил полумрак и пахло свечами. Каждая вещь манила и отталкивала, завораживала и пугала. Здесь жила Колдунья, Ведьма, Ворожея. Здесь жила журналистка Патриция Кеннели, так неосторожно угостившая Джима бокалом заговоренного сладкого яда. Моррисон постоянно чувствовал себя здесь как в плену, но в то же время… как дома.

Влюбленный в Пер-Лашез

Моррисон впервые оказался в Париже, когда ему было двадцать лет. Он остановился у своего бывшего однокурсника, Алена Ронея. Ален провел для Джима экскурсию по городу. Они поднялись на вершину Монмартра, вид отсюда был великолепен. Моррисон неожиданно спросил, указав рукой на большой холм почти в самом центре города:

— Старина, а вот это что?

— Пер-Лашез, кладбище. Там похоронены Бальзак, Шопен, Мольер, Эдит Пиаф, Айседора Дункан…

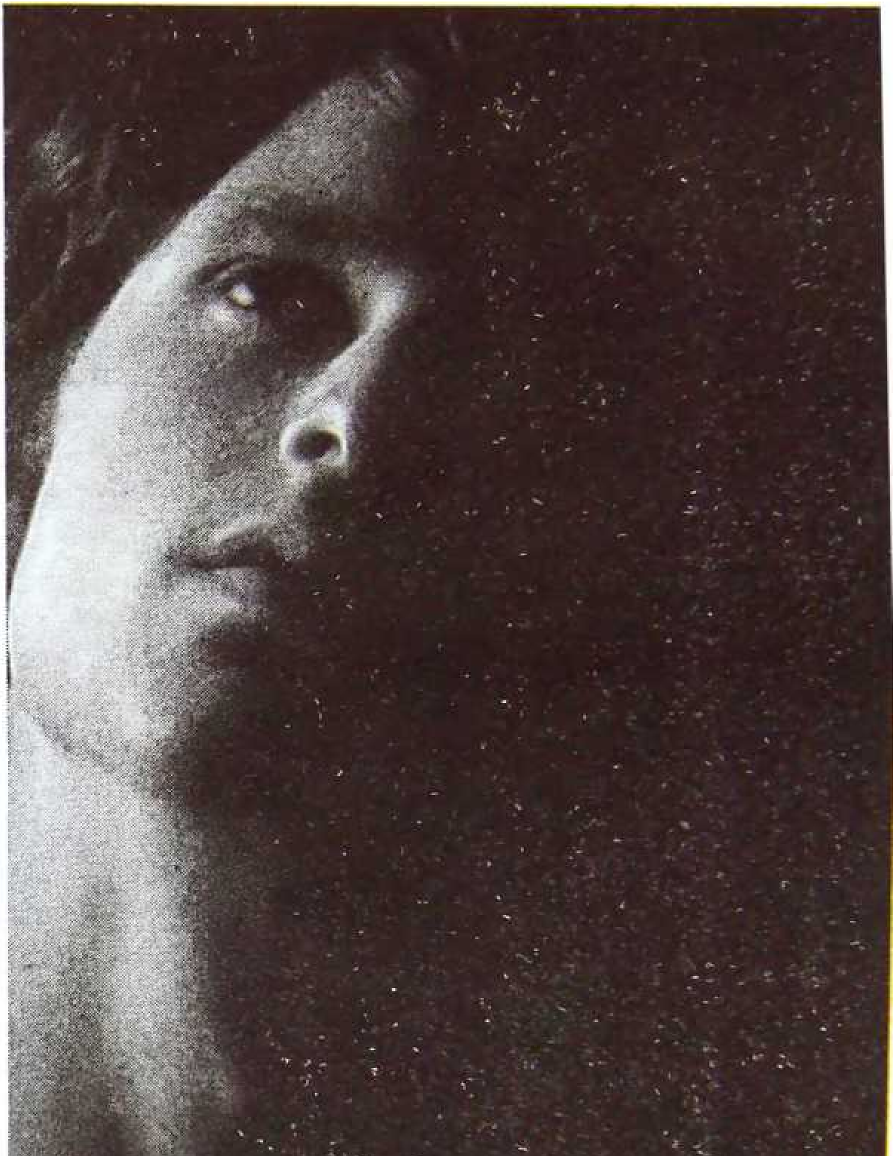
Глаза Джима загорелись:

— Я очень хочу туда попасть!

— Звучит двусмысленно… — рассмеялся Ален, — но раз ты так желаешь, можем туда съездить, посмотреть на могилы великих.

Когда они добрались до места, уже начало темнеть, но ворота кладбища были все еще открыты. Они вошли на территорию и молча побрели вдоль старых могил и потемневших надгробий. Алану здесь было не по себе. Джим, напротив, чувствовал себя как дома посреди этой сырой тишины, этого обветшалого спокойствия. Он выглядел задумчивым и умиротворенным.

— Знаешь, Ален… — негромко и доверительно произнес он, — если мне суждено быть похороненным в земле, то пускай последним пристанищем для меня станет Пер-Лашез.



Продай мне свою душу

Тысячами невидимых ниточек она осторожно опутывала его хрупкое сердце. Неведомыми тропами заманивала его к себе, нашептывала заклинания, гадала на кофейной гуще, заглядывала в мутные зеркала, по ночам готовила приворотные зелья. Она пожирала его без остатка, сжигала дотла, выпивала до последней капли. Он уходил от нее истерзанным и опустошенным. Узелки затягивались. Все крепче и крепче привязывала она его к себе. Он уже не мог вырваться из этих удушающих объятий.

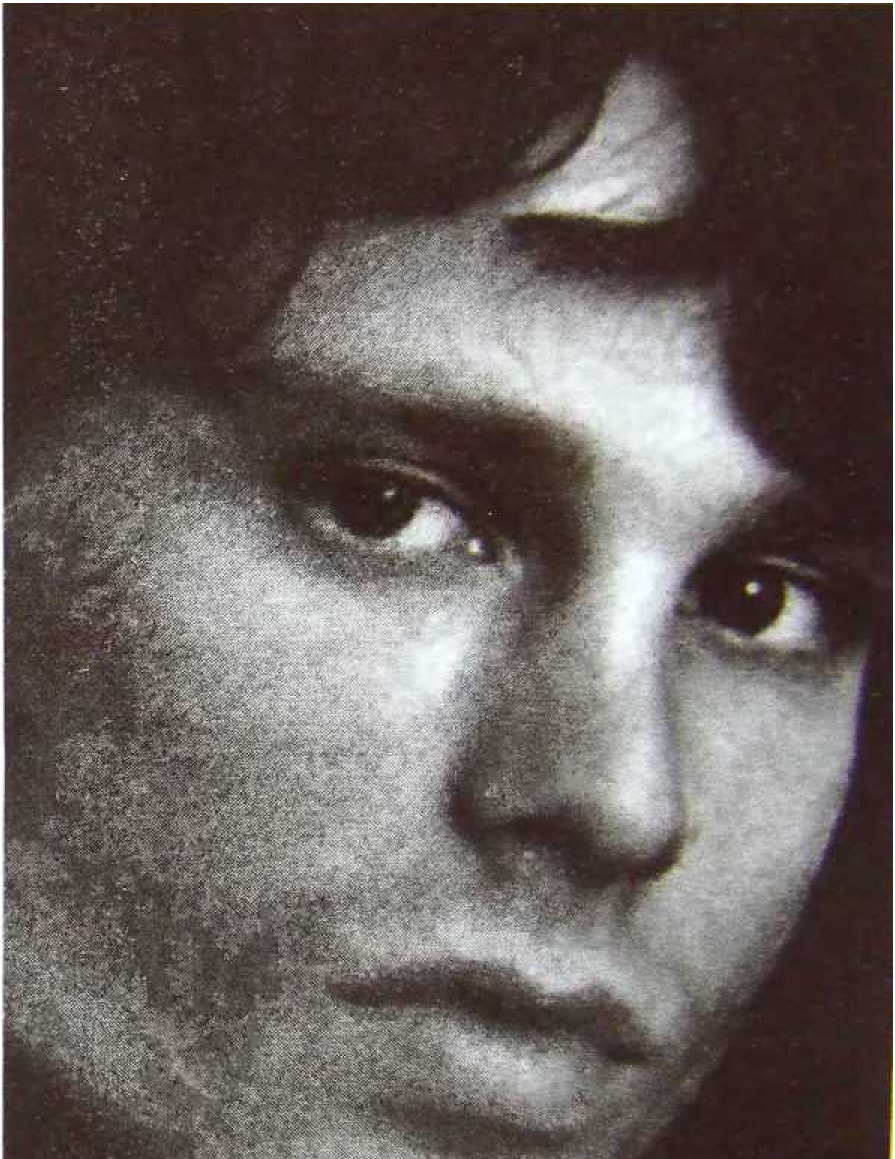
— Мы с тобой помолвлены. Обручены. Еще с той самой ночи. Отдай мне свои тайны, продай мне свою душу. Я сделаю тебя счастливым.

— Ты безумная.

— Я знаю. Но ты еще безумнее. Подари себе счастье быть самим собой. Отбрось все, что мешает. Забудь о времени, пространстве. Ничего нет. Есть только ты и я, есть мы. Я знаю, я верю, ты сможешь. Ты же сильный. И смелый. Я помогу тебе сбежать от всех. Убежим вместе. Я тебя не подведу, не брошу. Ты мне веришь?

Джим посмотрел в эти опасные темно-карие глаза. Наверное, они врали. Наверное, он поступил неправильно, но какая-то дьявольская сила вытолкнула из него раскаленной лавой слово «да».

— Значит, теперь мы договорились. Ты мой.



Иконоборец и бунтарь

«Я ненавидел клерков, врачей, служащих банков, менеджеров среднего звена, учителей, адвокатов… Я ненавидел их так же, как своих родителей. За то, что они подчиняются гребаной системе, за то, что живут по шаблону. Я хотел встряхнуть их за плечи, дать им звонкую пощечину и пинка под зад — лишь бы они пробудились от этой комы. Мне казалось невероятным, что он живут иначе, чем я. Мне казалось необъяснимым, что у них нет желания что-то изменить. Я был молод, эгоцентричен, не умел ни с чем мириться и многого не понимал. Я бросал вызов, я хотел сломать этот мир, я принимал все в штыки. Это был протест, переворот, революция».

Заговоренный

— Знаешь, Джимми, как я люблю тебя? Ты теперь совсем не приходишь ночевать. Я понимаю, запись альбома — это сложно и ответственно. Ты весь в работе, а мне так страшно засыпать без тебя. Иногда мне кажется, что однажды ты не вернешься.

— Пам, прекрати. Прекрати сейчас же.

Памела потянулась, чтобы обнять его, но он мягко, но настойчиво оттолкнул ее.

— Джимми, что с тобой?

— Прошу, не называй меня так. Последний раз я слышал это от мамы. Пам, пойми…

— Ты больше не любишь меня?

Джима будто ударило током.

— Люблю, но… Мне нужно сейчас быть одному, мне нужно уехать. Не спрашивай, куда и зачем.

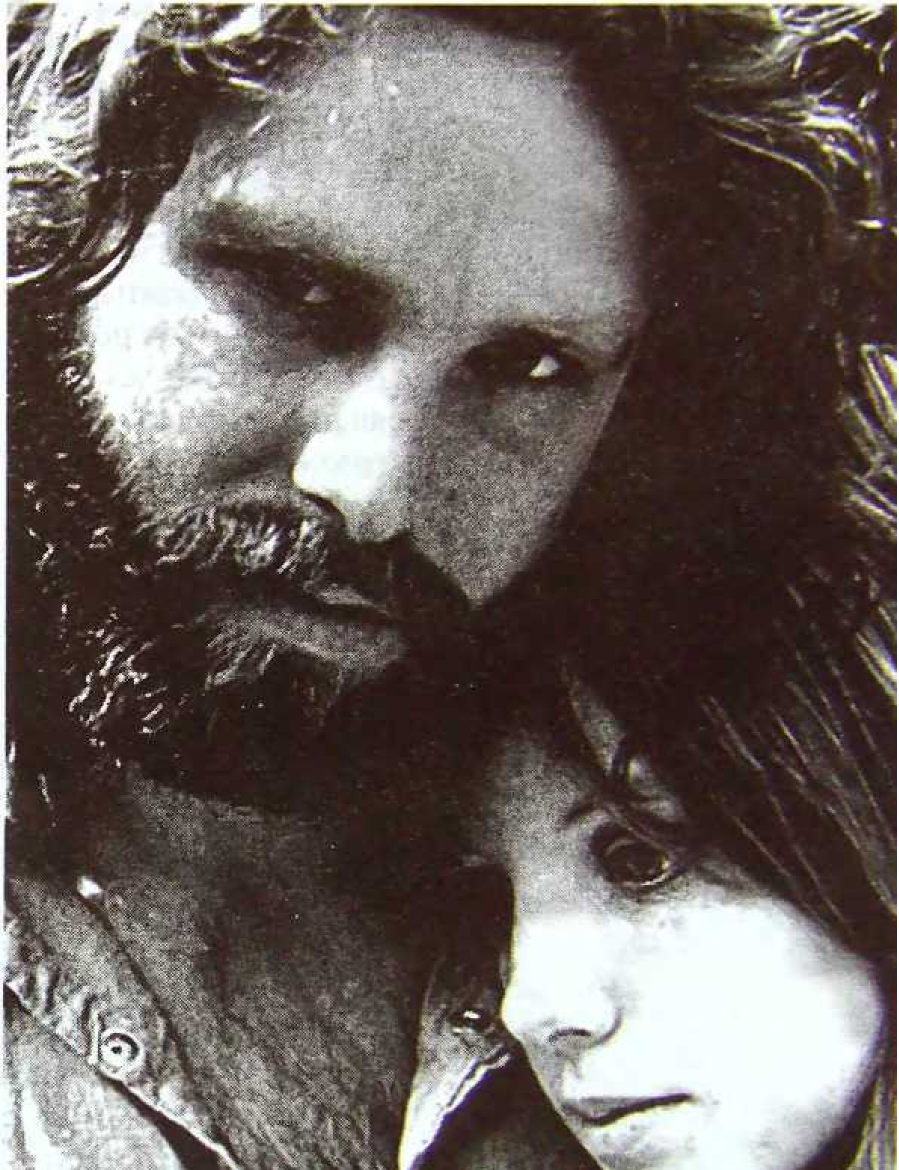
— Надолго? Когда ты вернешься?

— Не знаю. Ничего не могу обещать, — он старался говорить как можно спокойнее и холоднее.

— Я буду тебя ждать… — проговорила Пам сквозь слезы, — сколько скажешь, сколько будет нужно. Я буду ждать тебя каждый день, каждую минуту. Ты только возвращайся. Я буду… До последнего дня, до последнего вздоха буду ждать.

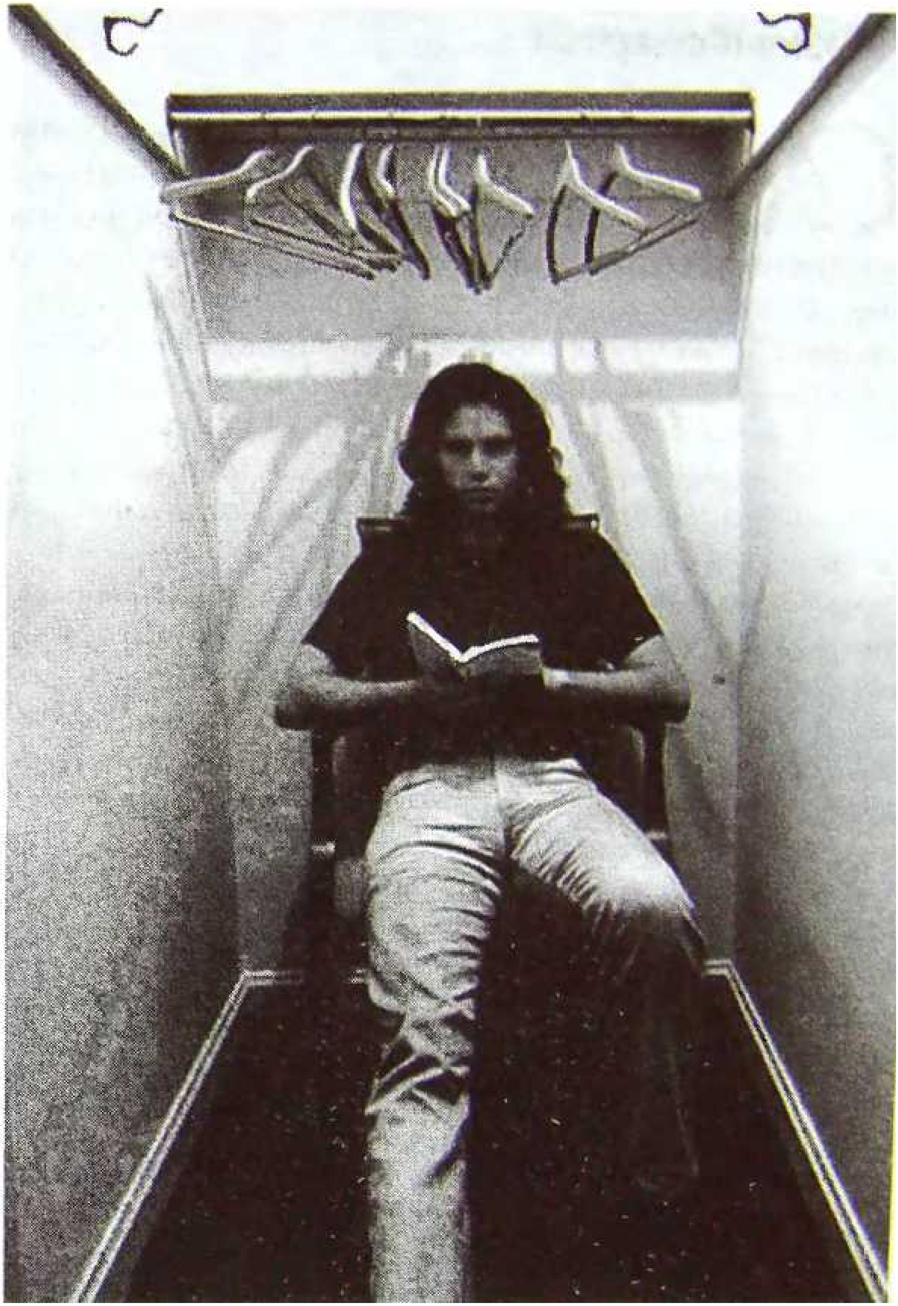
Она говорила что-то еще, захлебываясь плачем. Джим не мог больше ни видеть, ни слышать этого. Он выбежал из дома в одной рубашке на морозный воздух. Дрожали руки, ноги не слушались, а сердце стучало невыносимо быстро. Часы показывали два часа ночи.

Он взял такси и уехал к Патриции.



Поэзия и смерть

«Люди боятся смерти больше, чем страданий. Это странно. Раны, которые наносит жизнь, намного страшнее. Со смертью же страдания прекращаются, вот почему я и в самом деле считаю ее другом. Когда-то я обвенчался с жизнью и впитывал ее мозгом костей. Это прошло. Смерть — вот тот родник, чья тайна заставляет меня писать. Смерть — кладезь, что делает меня поэтом. Настоящая поэзия ничего не говорит, она только указывает возможности. Открывает все двери. Ты можешь открыть любую, которая подходит тебе. Я открыл дверь, я встал на порог. Страха нет. Страх — лишь крыльцо, пронзенное свистом северного ветра, орел, почуявший смерть, но грациозно парящий в ночи над серебристым кроликом».



Ритуальный танец

Он увидел его прямо перед собой, на расстоянии вытянутой руки. Они стояли друг напротив друга. Где-то вдалеке играла музыка, шумел зал. Джим перестал воспринимать все, кроме того, кто был сейчас перед ним. Индеец сделал шаг навстречу. Он прошел сквозь колонку, сквозь стойку микрофона. Он вплотную приблизился к Моррисону и шепнул ему на ухо: «Смотри и запоминай. Пришло время научить тебя ритуальному танцу нашего рода». Дальше началось что-то невообразимое. Феерический шаманский танец вторгся в тело и сознание Джима, овладел им. Движения давались легко, будто он знал их изначально, еще до своего рождения: он прыгал, катался по сцене, он чувствовал, что парит над землей. Он мог взлететь над этим залом, мог перелететь через все моря и океаны, мог добраться до других планет. Музыка снаружи и музыка внутри него сливались в один мощнейший звуковой поток. В нем билась жизнь, так похожая на предсмертную агонию. Внезапно все прекратилось. Очнувшись, он огляделся по сторонам и увидел изменившиеся лица Робби, Рея, Джона. Они смотрели на него с нескрываемым страхом. Джим хотел что-то сказать Индейцу, но тот уже растворился в мареве беснующейся толпы.

Узы крови

— От тебя ничего не требуется. Просто смотри на меня и повторяй за мной.

Джим послушно кивнул головой. Патриция продолжила:

— Это древнейший обряд, кельтский свадебный ритуал. Ты ведь не боишься вида крови?

— Нет. С тобой я ничего не боюсь.

— Ну, вот и славно. Ты справишься.

То, что случилось той ночью, казалось скорее фантастическим сном, чем явью. Патриция вышла в длинном черном платье. Она протянула ему руку:

— Пойдем, скоро полночь. Нас уже ждут.

— Кто?

— Жрица. Она будет проводить обряд.

И Патриция темными коридорами повела его за собой. В гостиной их встретила немолодая женщина с очень длинными черными волосами.

— Вот и ты, сын огня. Здравствуй! — медленно произнесла, оглядывая Джима, а затем обратилась к ним обоим, — Вы готовы совершить то, что хотели?

Джим с недоумением посмотрел на Патрицию. Та уверенно кивнула:

— Готовы, сестра. Можешь начинать.

— Приготовьте ваши руки. Вы должны будете подписать свиток кровью в знак вечного единения.

Патриция смело обнажила запястье. Джиму пришлось сделать то же самое. Дальнейшее он помнил смутно: что-то острое быстро и больно скользнуло по венам, и он провалился в теплую пустоту.

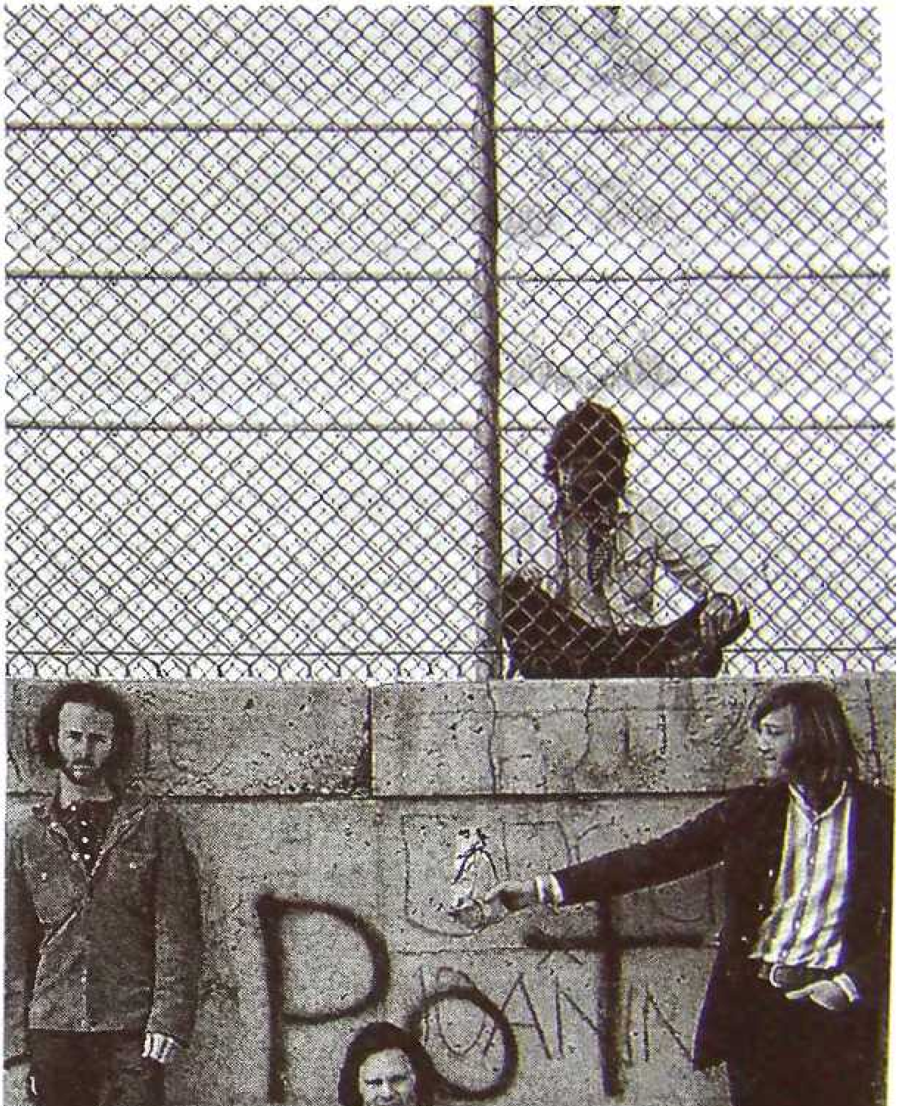
Первое предупреждение

«У него была пугающая тяга к саморазрушению. Он мог творить только в те минуты, когда стоял на краю, когда ходил по лезвию бритвы. Он черпал вдохновение из состояний на грани. Алкоголь, наркотики, случайные связи — все это медленно убивало его. Иногда у меня возникало ощущение, что Джим сознательно стремится к самой последней черте», — впоследствии скажет Рей Манзарек.

— Джим, нам нужно серьезно поговорить, — Ротшильд взял его под руку и отвел в сторонку, — Ты ведешь себя слишком вызывающе, слишком агрессивно. И на сцене, и вне сцены. Так дело не пойдет. Либо ты завязываешь с ЛСД и прочей дрянью, либо… нам придется расторгнуть контракт.

— Ты врешь. Мы все вместе и я, в частности, приносим тебе огромный доход. Ты не сможешь этого сделать.

— Послушай, Моррисон, репутация группы сильно испорчена твоим поведением. Люди начинают задумываться, в уме ли ты и стоит ли прислушиваться к тому, что ты проповедуешь. Рейтинги падают. Мне не нужны лишние проблемы. Очень прошу тебя задуматься, пока не поздно…



Заложники жизни

— Я не хочу умереть во сне, или в старости, или от передозировки, я хочу ощутить, что такое смерть, попробовать ее на вкус, почувствовать ее запах. Смерть дается только однажды. Я не хочу пропустить ее.

— Ты совсем не боишься шагнуть за предел?

— Нет. Я жду этого как радости, как освобождения.

— А жизнь? Ты боишься жизни?

— Все мы в плену. У этого мира, у времени, у жизни. Жизнь — это только испытание, только проверка на прочность. Тем, кто ее выдерживает, достается самая легкая и прекрасная смерть. Я не боюсь жизни — я боюсь боли, плохо переношу ее. Иногда мне кажется, что я уже умер.

— А я нахожу в боли наслаждение. В боли физической, в боли душевной. Боль — признак жизни. Только она дает понять, что ты еще умеешь что-то чувствовать.

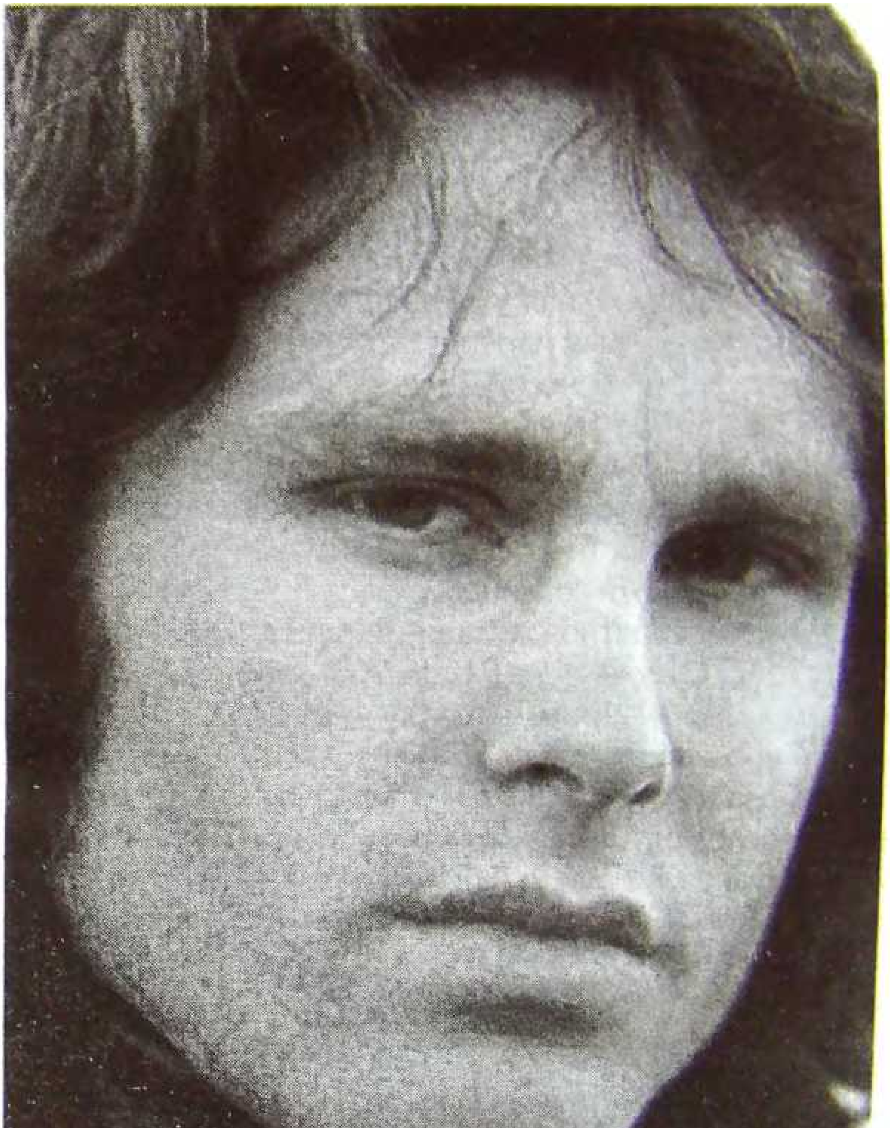
Патриция взяла Джима за руку и со всей силой впилась ногтями в его ладонь:

— Чувствуешь? Чувствуешь боль?

— Да… — с трудом выговорил Джим.

Патриция довольно улыбнулась:

— Значит, ты еще жив.



Мужик из Зазеркалья

Он жадно вглядывался в отражение и не узнавал себя. Из зеркальной глади на него смотрел располневший и небритый тип с красными опухшими глазами. Грязные спутанные волосы, помятое испитое лицо, мрачная ухмылка… Куда делся наглый, молодой и красивый парень?

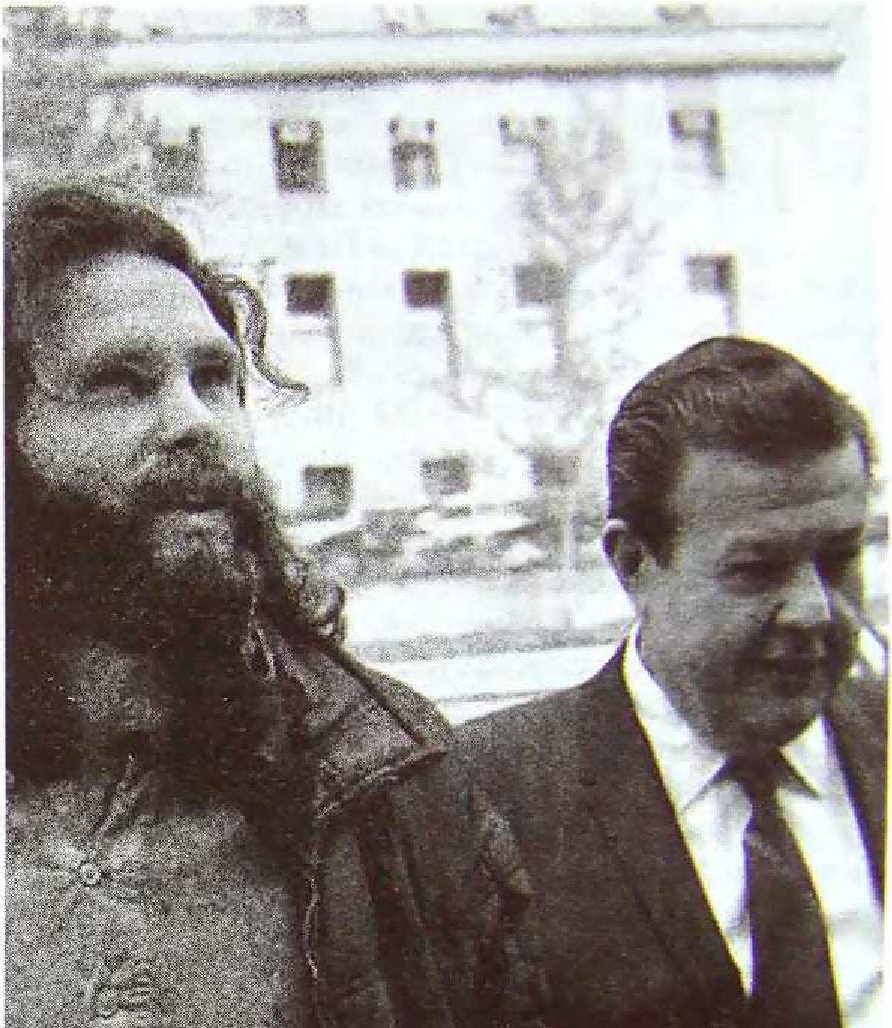
Что осталось от него? Даже руки казались какими-то чужими, незнакомыми, грубыми. Он дотронулся до отражения и почувствовал только равнодушную прохладу зеркала. Джим прислонился горячим лбом к этой гладкой поверхности и посмотрел в глаза тому, другому. Они стояли вплотную, лицом к лицу. Внезапно Джимом овладело невероятное желание вдребезги разбить морду угрюмому мужику из зазеркалья. Он ненавидел его в тот момент. Моррисон отстранился от зеркала, занес руку и врезал прямо в переносицу своему противнику. Тот взорвался от боли и разлетелся на кусочки. Летящие в лицо осколки, хлынувшая кровь, ярость, неожиданно сменившаяся тоской, шок, уступивший место невероятной боли… Джим зажал кровоточащую руку, мягко сполз по стенке и бессильно заплакал, завыл от подступивших к нему вплотную боли и ужаса. «Больше не осталось ничего. Меня самого не осталось…»

Последняя нота

В тот день Джим явно переборщил с виски. На сцену он вышел, сильно шатаясь. Хоть света было и немного, он надел огромные солнечные очки, закрывавшие половину лица. Он не хотел никого видеть и не хотел, чтобы видели его. Густые усы и борода тоже помогали укрыться от всех. Так он чувствовал себя почти в безопасности. Ему было страшно наедине с этим гигантским стадионом, с этой невнятной, размазанной гущей. Сотни, тысячи лиц, рой пчел, муравейник. Он боялся, презирал и ненавидел этих маленьких тварей. Все стадо вместе и каждого по отдельности. Весь этот зверинец орал, свистел, хлопал в ладоши. Они чего-то требовали, чего-то ждали от загадочной и инфернальной звезды по имени Джим Моррисон. А звезде больше всего на свете хотелось сейчас убежать, спрятаться, заткнуть уши, чтобы не видеть, не слышать, не чувствовать и не знать этого кошмара. Осипшим и срывающимся голосом он сказал в микрофон:

— Вы столько раз видели мое обнаженное сердце… Что еще вы хотите от меня? Вам недостаточно? Вы хотите видеть мое тело, урвать от него кусок посочнее? — стадион одобрительно завизжал и заревел. Вымученная усмешка скользнула по рядам. — Вы хотите этого? Ну что ж, смотрите….

Стоящие позади Моррисона Рей, Джон и Робби успели увидеть только спущенные до колен штаны Джима. Уже через пару секунд обзор закрыли широкие спины полицейских. Это был финальный аккорд концерта. Это была последняя нота «Дорз».



This is the end

— Ты хоть понимаешь, что ты натворил, ублюдок? Сукин ты сын! Ты осознаешь, что ты сделал? — Ротшильд в бессильной злобе грохнул об пол еще один хрустальный бокал, — Ты выкинул в помойку репутацию группы, мою репутацию! Ты угробил миллионы долларов, ты нагадил в душу миллионам людей, в конце концов! Ты обманул их всех. Они верили тебе, а ты рассмеялся им в лицо! Считай, что все контракты уже порваны, все договоры расторгнуты, связи испорчены. Ничего не осталось, ничего! Понимаешь?! — Пол с отчаянием и яростью посмотрел на Моррисона. Тот сидел, медленно раскачиваясь на стуле из стороны в сторону и отрешенно глядя в одну точку перед собой.

— Я ведь предупреждал тебя. Я говорил тебе тысячу раз: завязывай. Ты не слушал, и вот, что из этого вышло. Мы прогорели. Ты даже не представляешь, каких нервов и денег мне стоила твоя бездарная выходка. Я еле спас твою задницу, Моррисон. Можешь не благодарить. Хотя, возможно, мне не следовало этого делать. Исправительные работы могли бы отучить тебя от дурных привычек… — Пол на мгновение умолк. — Ты понимаешь, что все катиться псу под хвост? Это конец, Джим. Это конец.

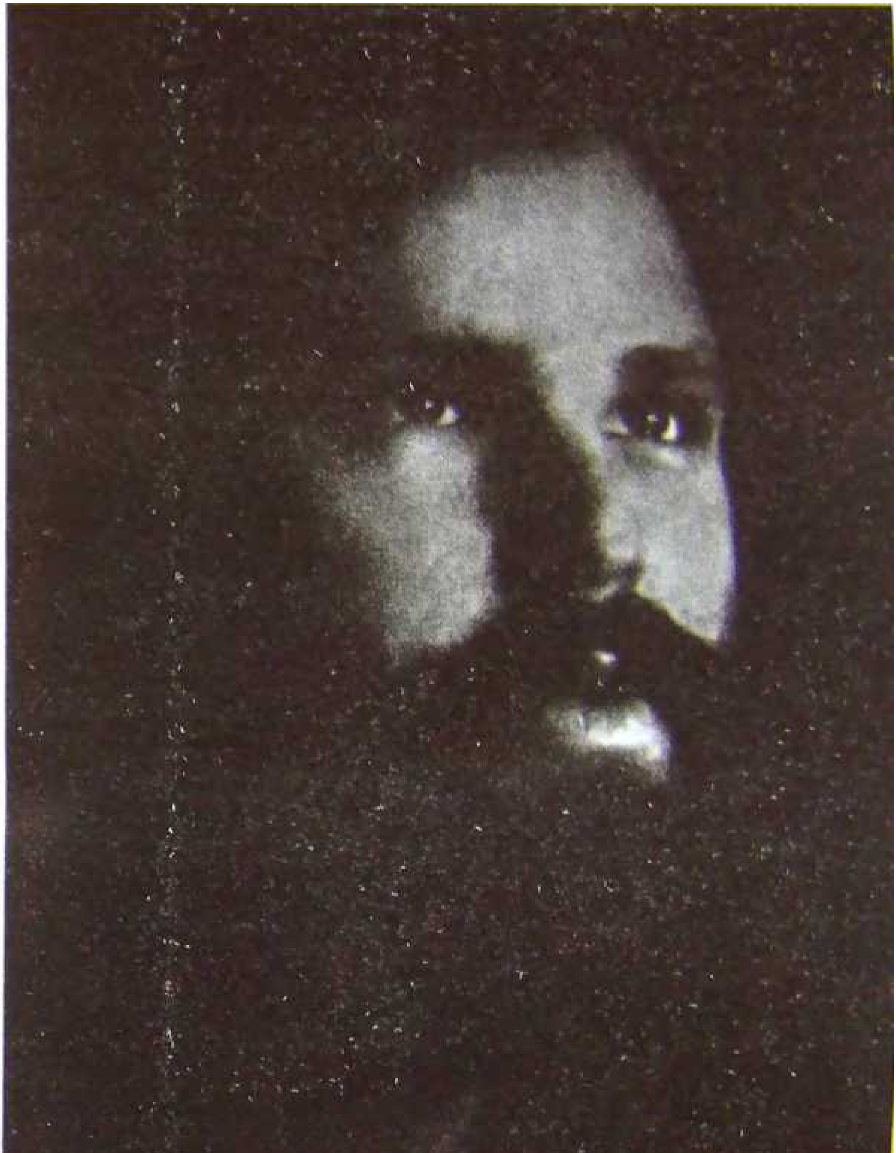
Джим поднял на Пола мутный блаженный взгляд и, расплываясь в кривой улыбке, произнес:

— Да. Это конец. Все закончилось. Хорошо.

Пол не нашел, что ответить.

Господи, помоги мне!!!

«Я ненавижу свое отражение, свои фотографии, пленки с записями. Я порвал и стер все, что было в доме. Все, что могло хранить меня и напоминать обо мне. Недавно был в больнице. Врачи, как обычно, сказали, что мне стоит немедленно бросить курить и употреблять алкоголь, и выписали одни препарат. Он якобы должен помочь мне чувствовать себя лучше. Пью эти таблетки каждый день. И с каждым днем становится только хуже. Я не могу больше писать ни стихи, ни музыку. Меня поглощает это болезненное состояние, оно высасывает из меня все соки. Сил нет больше ни на что. Я будто бы в коме. И не жив, и не мертв. Господи, помоги мне. Господи, помоги мне… Господи, помоги мне! Сделай же хоть что-нибудь! Если я уже стою на пороге, то пусть смерть поскорее заберет меня. Мне страшно. Мне плохо и страшно. Господи, помоги мне!!!»



Письмо с другой стороны Луны

«Он плохо переносил боль. Но боль для него, как и для многих других, была источником творчества. Мне кажется, он думал, что если ему не будет больно, то он перестанет творить… И он причинял боль другим, потому что боялся, что ему самому будет больно. Ему было трудно принять любовь, потому что у него ее никогда не было, и он не считал себя достойным любви. Я получила от него восемь или десять открыток и писем за те три месяца, которые он провел в Париже. Многие из них были воодушевленные и радостные — другие были пронизаны безысходностью. Последнее, написанное им письмо, я получила через несколько дней после его смерти. Он писал о том, как устал и как скучал по мне. «Моя постель холодна без тебя» — сказал он мне. Слезы выступили у меня на глазах, я плакала и до сих пор плачу». Патриция Кеннели, из интервью для журнала «Американские Легенды».

Они расстались, как и встретились, ночью. Та трещина, тот надлом, который появился в нем, та неизбывная тоска заставили его снова погрузиться в одиночество. Джим просто сказал, что устал, собрал вещи и вышел под дождь. Позабыв про гордость, она бросилась за ним босиком и в одном халатике…

Последнее прощание

— Уходи, но помни: дверь всегда открыта.

— Я вышел из нее и не хочу заходить обратно. — Почему?! — в ее темных глазах сверкнули слезы отчаянья.

— Потому что знаю, что рано или поздно придется уйти. Я не могу оставаться и не хочу мучить ни тебя, ни себя, — сурово произнес Джим и бросил намеренно холодный взгляд на Патрицию. Он увидел перед собой не ведьму, не стерву, не коварную женщину-вамп…

Он увидел растерянную девочку, которую хотелось прижать к себе, долго-долго гладить по голове и никуда не отпускать. Растрепанные волосы, заплаканное лицо… Она была чиста и прекрасна в тот момент. Чуть дрогнув, он сказал:

— Ты же сильная. Гораздо сильнее меня. Соберись!

— Уходи… Только я все равно не буду закрывать дверь… Я буду тебя ждать. Сколько нужно и даже дольше.

Проклиная себя, Джим заставил сорваться с губ страшные и жестокие слова:

— А я закрою… Чтоб не дуло. А то простудишься еще. Не хочу, чтобы ты болела.

Он повернулся к ней спиной.

Больше они никогда не видели друг друга.

Вперед к новой жизни

— Мистер Моррисон, я надеюсь, вы адекватно оцениваете сложившуюся ситуацию? И вы, и я, мы оба понимаем, что дело уже заведено, и вы можете угодить за решетку за непотребное поведение и нарушение общественного порядка. Это очень серьезно. Вы же не хотите оказаться в тюрьме, не так ли? Я предлагаю Вам переехать в другую страну. Например, во Францию. У них с США нет договора на экстрадицию по уголовным делам с сексуальным подтекстом. Что скажете по этому поводу, мистер Моррисон?

— Франция…. — Джим оживился, — я согласен. Франция — то, что мне сейчас нужно. В Париже я смогу быть просто поэтом, мне этого достаточно.

— Вот и славно. Я займусь сбором и подготовкой документов, а вы готовьтесь к переезду.

В тот же вечер Моррисон уложил все самое необходимое в три больших чемодана, остальное выкинул. Первым делом, он сжег свои дневники и записки, оставил только тетрадь с текстами песен — тех, что играли «Дорз» и тех, что писал ночами сам для себя. В нем проснулось желание начать все заново. Он очень устал — от себя, от судебных процессов, от преследующих его повсюду вспышек фотокамер, от орущей толпы и от невыносимого ощущения того, что за ним постоянно кто-то следит.

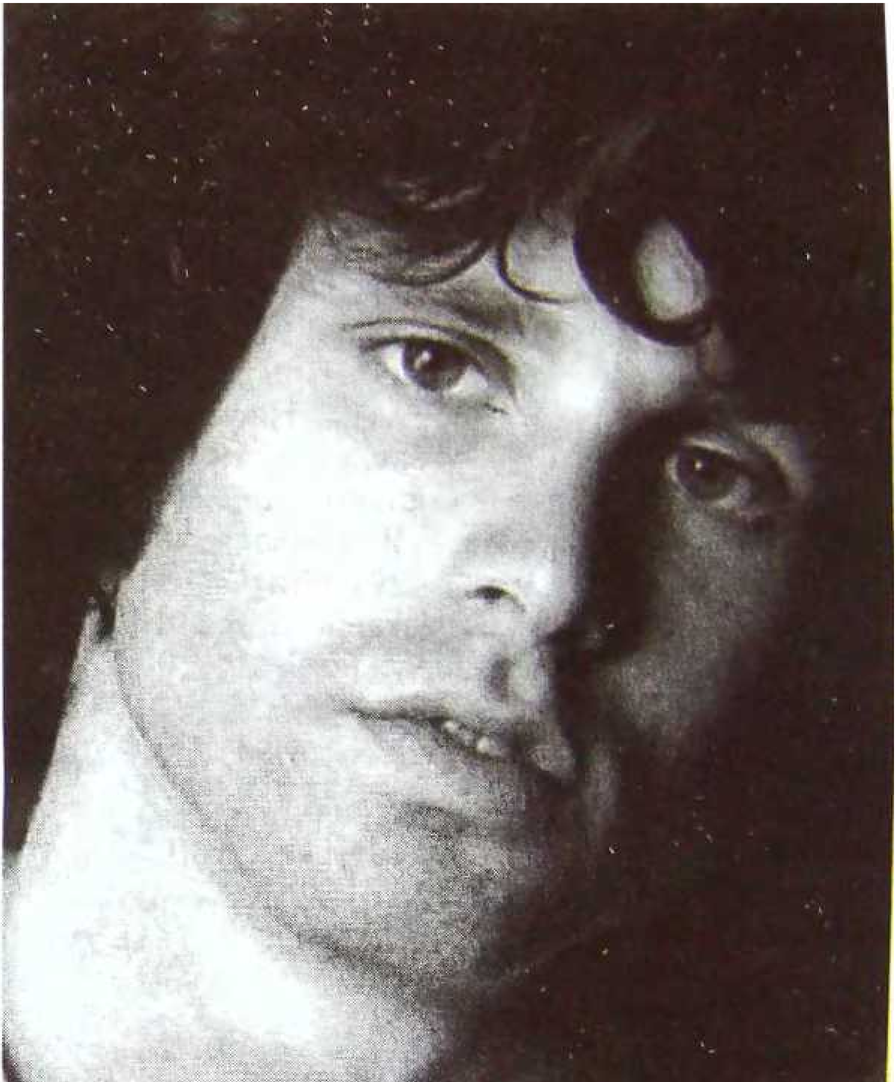
Мертвая петля

В бреду и тумане он шатался ведь день по дворам и переулкам и сам не заметил, как добрел до парка. Играла музыка, был слышен шум фонтанов и детский смех… Какая-то невероятная сила потянула его туда, к разноцветным огням, к крутящимся каруселям, к счастливым, улыбающимся людям. Будто зачарованный, Джим встал у ограды и сквозь железные прутья жадно смотрел на этот человеческий праздник. Перед его глазами пробегали дети, проходили влюбленные, чинно вышагивали пожилые пары… Он смотрел и не верил сам себе: жизнь, которую он презирал, считал обыденной и скучной, теперь стала чем-то почти волшебным. Просто быть не одному, гулять по парку, радоваться мелочам — все это казалось таким манящим и одновременно недостижимым. Будто он потерял что-то много лет назад, оставил в прошлом, а сейчас все это вернулось и накрыло его с головой. Джим чувствовал себя невероятно одиноким в этот момент. Он нерешительно подошел к воротам парка. Его приветливо встретило неоновое мерцание вывески над большим «чертовым колесом». Джим вдруг понял, что он никогда, даже в детстве, не катался на аттракционах. Он подошел к маленькому окошечку и попросил билет на колесо. Кассирша уточнила:

— Вы имеете в виду «Мертвую петлю»?

Джим произнес вслух:

— Мертвая петля… — его передернуло. — Нет, давайте лучше на американские горки.



Джеймс Дуглас. Дуглас Джеймс

«Кто я и что делаю здесь, в бесспорно прекрасном, но нелюбимом городе, в чужой стране? Я пытался убежать, и мне это почти удалось. Вот только что-то необъяснимое все равно не отпускает меня. Наверное, началась мания преследования. Как хорошо, что меня здесь никто не знает. Соседям я представился как Джеймс Дуглас. При других контактах называюсь Дугласом Джеймсом. На улицу выхожу всегда в темных очках, вне зависимости от погоды. Мои немногие развлечения остаются прежними: еда, выпивка, порошок и кислота. Я приехал сюда, чтобы быть поэтом, а вместо этого веду растительную жизнь. День начинается с рюмки и заканчивается дозой. Видимо, это то, что мне сейчас нужно…»

Ночной звонок

Он проснулся в своей парижской квартире в четыре часа утра от телефонного звонка. «Наверняка, ошиблись. Никто не знает этого номера». Телефон продолжал разрывать тишину надрывным звуком. Звонили долго и упорно. Джим, проклиная все на свете, потянулся к трубке.

— Прости, что звоню в такое время… — тихо произнес голос, от которого сердце Джима подпрыгнуло и перевернулось несколько раз.

— Пам…. Это ты? — дрожащими руками он со всей силой прижал трубку к уху.

— Не спрашивай, откуда я узнала твой номер и то, что ты теперь здесь. Просто узнала. Я сейчас тоже в Париже.

— Как ты? — дрогнувшим от нежности голосом спросил Джим.

— Все в порядке, я здесь не одна. Со мной Жан де Бертой, вы, кажется знакомы… А ты как?

— Я хочу видеть тебя, Пам. Мы не виделись с той самой ночи, но я… Я ревную тебя, черт подери! Патриция в прошлом. Все в прошлом. Я стал другим…

— Я знаю.

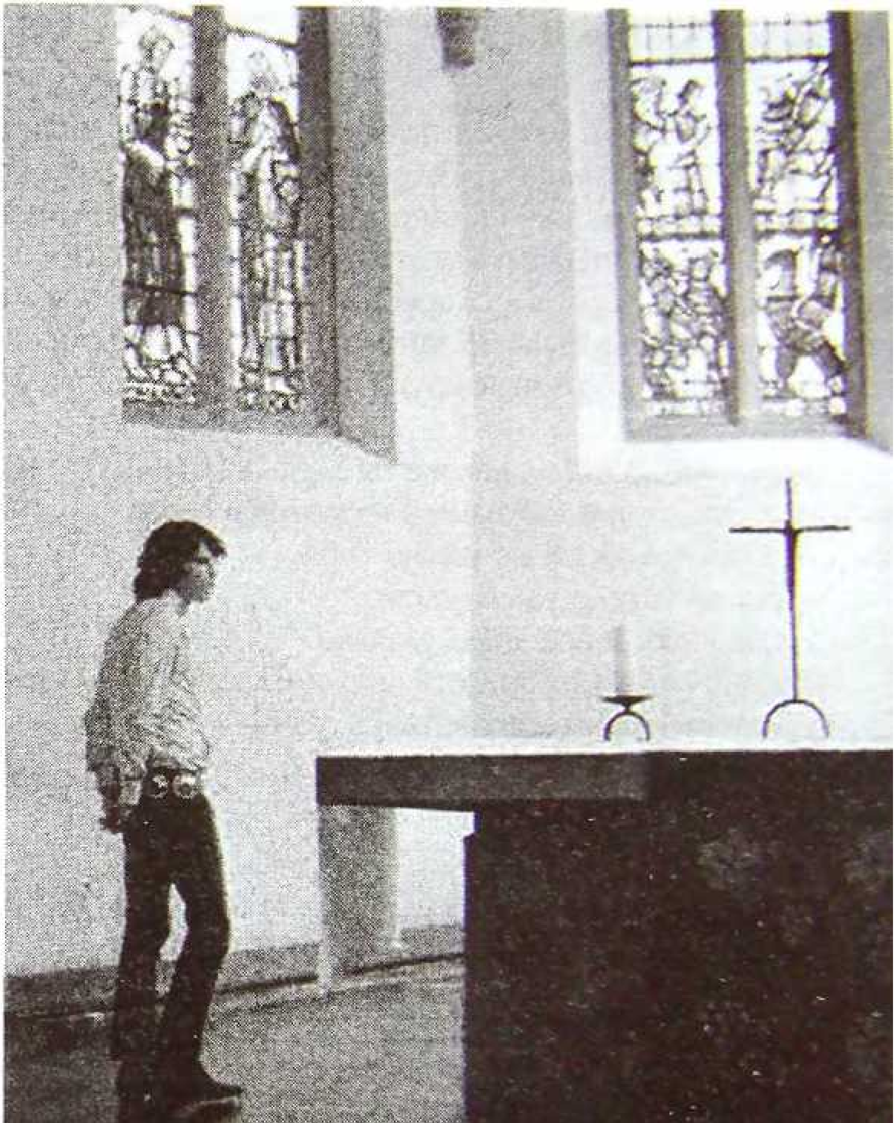
— Пам! Послушай, Пам… Я люблю тебя. И всегда любил только тебя. Но понял это слишком поздно. Давай увидимся?

— Хорошо. Я приеду к тебе днем.

— Запиши адрес.

— Я его знаю. До встречи.

Короткие гудки отдавались частым биением в висках.



Могила с окнами

Пам зашла в узкую, полупустую, плохо освещенную комнату. Здесь царил беспорядок: повсюду валялись шприцы, ампулы, обрывки бумаги, пустые бутылки, в углу сиротливо ютилась гитара, покрытая толстым слоем пыли, с разорванными струнами. Постель была не заправлена. Сам Моррисон выглядел неважно: темные круги под глазами выдавали бессонницу.

— Боже мой, Джим… Как же ты здесь живешь? Это не квартира. Это могила с окнами. Посмотри в зеркало — на кого ты стал похож? Я не узнаю тебя.

Моррисон устало улыбнулся:

— Да, я знаю. Я все знаю, малыш.

— Давай уйдем отсюда. Я что-нибудь придумаю. Снимем квартиру, я договорюсь. Тебе нельзя здесь оставаться одному… Я тебя вытащу.

— Я люблю тебя, Пам.

Последняя запись Джима

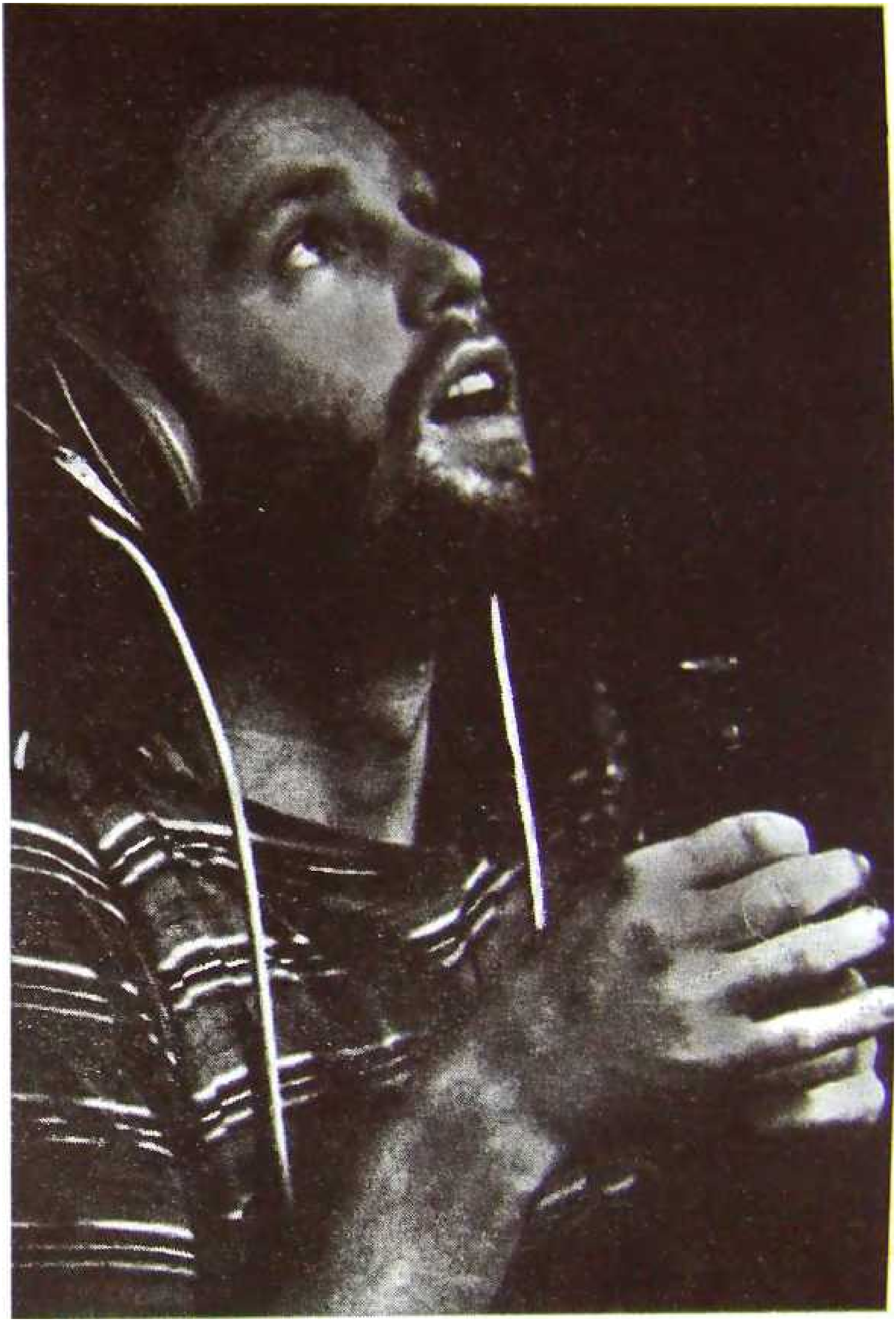
Нетвердой походкой он вышел из бара и отправился бесцельно бродить по парижским улицам. Проходя мимо маленького неприметного домика, он остановился — внимание привлекла вывеска «Студия звукозаписи». Вдруг Джим услышал совсем рядом то, от чего защемило сердце. Он не поверил своим ушам… Где-то за углом играли уличные музыканты. И дело было не в том, как они играли; дело было в том, что именно… Сбиваясь, фальшивя и путая слова, они играли «Hello, I love you». Джим вспомнил репетиции, концерты, и ему вдруг до боли захотелось петь. Петь безудержно, как в последний раз…

Будто загипнотизированный, он пошел на звук. Приблизившись к ним, он увидел, что их перевернутая шляпа пуста. Он бросил туда какую-то мелочь, дослушал песню до конца, поблагодарил их и назвал свое имя. Два неудачника не могли поверить, что перед ними стоит сам Джим Моррисон. Он пригласил их выпить по стаканчику виски. Через полчаса к Джиму пришло озарение: он загорелся идеей срочно пойти на студию и вместе с этими ребятами сыграть новую песню, которую он еще никому не показывал. Трясущимися руками Моррисон достал из кармана мятую бумажку с нечеткими каракулями — это был текст.

Через две недели

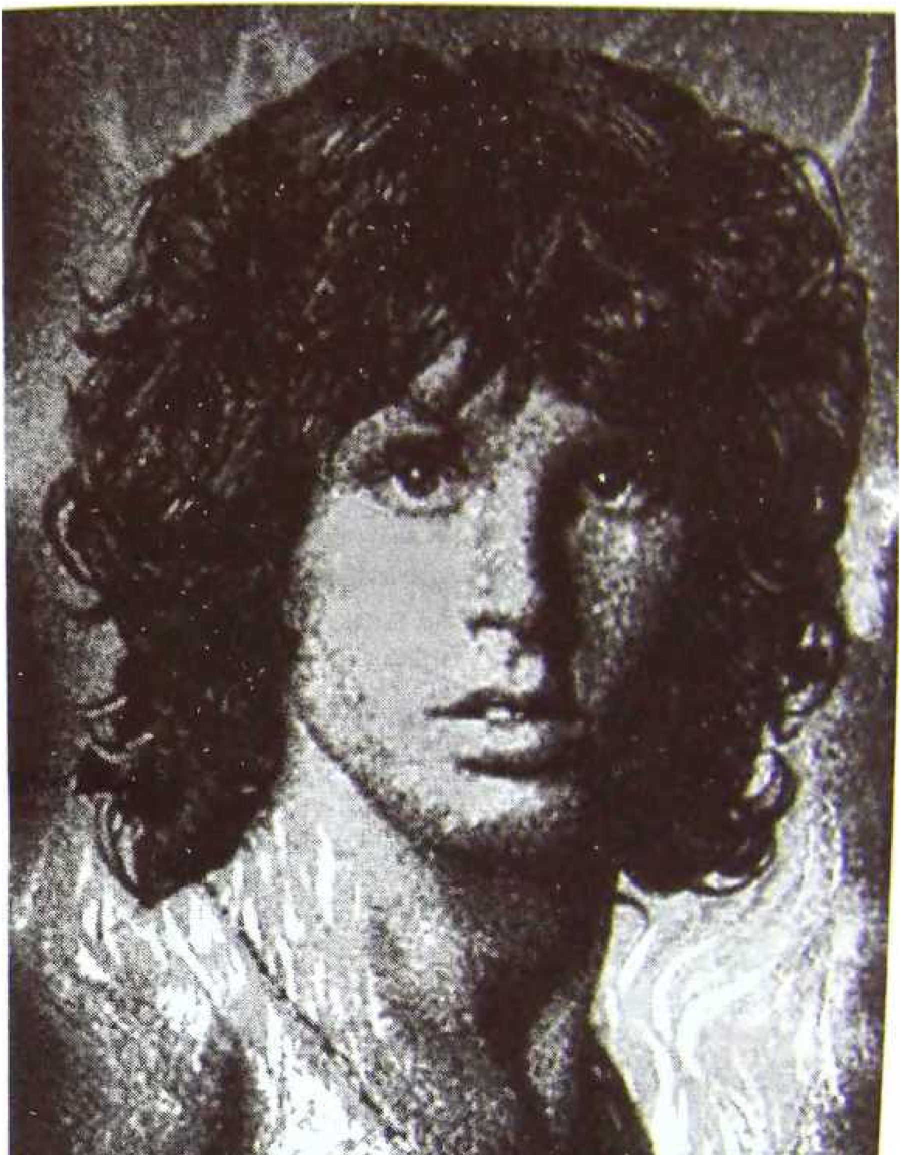
Их приняли за бездомных хиппи и долго не хотели впускать в студию, пока Джим не отдал внушительную сумму за аренду. Когда они кое-как записали эту песню, Моррисон сказал: «Может, попробуем сколотить группу? Я позвоню вам недели через две, когда набросаю еще несколько композиций». Но так и не позвонил. Не успел.

Через две недели он был уже мертв…



Призрак

«Я схожу с ума. Везде и всюду мне мерещится эта зловещая тень. В каждом углу, за шторами, на потолке. Его глаза следят за мной из темноты. Я чувствую его присутствие около себя и в себе, мне становится очень страшно. Вчера я снова увидел его. Он стоял у изголовья кровати и смотрел на меня. В его глазах была какая-то жуткая тоска. Я накрылся с головой одеялом, меня трясло. Пам спросила, что происходит. Я ответил, что в спальне индеец. Она сказала: «Тебе пора перестать употреблять героин». Возможно, Пам права, но мне кажется, что дело не в наркотиках. Индеец хочет мне что-то сказать. Он приходит за мной и хочет забрать меня, это я знаю точно…»



Одно счастливое утро

Свежим и теплым утром 3 июля 1971 года Памела Корсон и Джим Моррисон проснулись в своей съемной квартире на улице Ботрели. В окно падал солнечный свет, слышалось пение птиц, день обещал быть отличным. Пам сладко потянулась в кровати и с нежностью погладила Джима по небритой щеке.

— Как хорошо, что мы вместе, правда?

— Да, в это прекрасное утро я со своей любимой. И я, черт возьми, счастлив!

— А давай сходим сегодня в кино? Потом прогуляемся и зайдем поужинать куда-нибудь…

Пам мечтательно смотрела в окно и говорила что-то еще, но Джим уже не слушал. Он зарылся лицом в водопад ее золотистых волос и, жарко дыша, страстно целовал ее шею.

— Крошка, я люблю тебя!

— И я люблю тебя. Сильнее всех на этом свете. Мы будем вместе до последнего дня и последнего вздоха.

— Конечно, будем, милая… — Джим не соврал, когда сказал это.

Каждый день как последний

Все вокруг был прекрасным — и солнечные лучи на черепичных крышах, и высокое чистое небо, и прозрачный воздух, и беззаботное щебетание идущей рядом Памелы. Джим с какой-то необъяснимой нежностью и тоской вглядывался во все, что его окружало. Будто видел в последний раз, будто прощался со всем этим. Он дышал как никогда глубоко, смотрел на все ясным и чистым взглядом, стараясь запомнить каждую мелочь. Пам заметила это необычайное спокойствие и задумчивость Джима:

— Что с тобой? Ты какой-то странный…

— Просто я счастлив.

Целый день, держась за руки, они бродили вдоль набережных, пока не стемнело. Ближе к ночи, в самом лучшем расположении духа Джим и Пам вернулись домой.

Вперед в прошлое

Дождливым осенним вечером в квартире Моррисона раздался телефонный звонок.

— Джим, старина, как ты?

— Спасибо, в порядке. А кто это?

— Это Рей. Рей Манзарек. Не узнал? Я звоню узнать, как тебе живется в Париже.

— У меня все хорошо, — сдержанно ответил Моррисон.

— А ты бы не хотел начать все заново?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты не скучаешь по нашим пластинкам, записям, концертам? Ты бы не хотел вернуть «Дорз»?

— Скучаю. Но как раньше уже не будет. Никогда. Я уже не тот, да и вы, наверняка, не те. Я повзрослел… Точнее, постарел для «Дорз». Прости, Рей. Спасибо за звонок и спокойной ночи.

— Ну что ж, до свидания… — в голосе Рея слышалась надежда на возможную встречу с другом.

— Прощай. Удачи. — Джим хладнокровно положил трубку.

«Дорз» начались с единения, а закончились отчуждением. Моррисон смотрел на старые фотографии и, не мог понять, как эти трое людей, которых он называл своими друзьями, так резко стали просто парнями из его группы. Чужими…

Шаги по лезвию

Когда они поднимались по лестнице на свой этаж, Джим вдруг почувствовал резкую и острую боль во всем теле. Закружилась голова, перед глазами все поплыло в бледном мареве. Он тяжело задышал, побледнел и судорожно ухватился за перила. Пам испуганно зашептала: «Что с тобой… Что происходит?». Джим прохрипел «Сердце». Она моментально достала из сумочки таблетки. Моррисон положил под язык сразу две штуки и через пару минут уже улыбался: «Ничего страшного, просто прихватило».

Когда они пришли домой, Джим открыл бутылку виски, включил кинопроектор и поставил одну из пленок «Дорз».

— Смотри, малышка, а ведь таким я и был, когда мы встретились. Ты любила меня тогда?

— Я любила тебя всегда. И буду любить вечно.

Джим сделал четыре героиновые дорожки и свернул в трубочку десятидолларовую банкноту.

Через сорок минут он сидел над белым листом бумаги, раскачиваясь из стороны в сторону и монотонно повторяя «мыслей больше нет, мыслей больше нет». Затем он в отчаянии упал лицом в стол и заплакал.

Подошла Памела, погладила его по голове.

— Успокойся, все будет хорошо. Ты еще напишешь много новых стихов и песен.

Джим поднял на нее слезящиеся глаза с широкими зрачками и просиял.

— Да, ты права, милая. А сейчас… Сейчас я пойду немного полежу в ванной.

Быстрый и мертвый

Когда он ушел, она почти сразу же провалилась в глубокий, но недолгий сон. Через полтора часа Памела открыла глаза, будто что-то позвало ее и заставило так резко проснуться. Пленка с записью «Дорз» продолжала проигрываться: на экране молодой Моррисон пел «The End», на черной и гладкой поверхности стола все еще оставалась одна полоска героина, часы показывали без десяти три, Джима не было рядом. Памела встала с кровати и пошла в ванну. За дверью не раздавалось ни звука. Она неслышно вошла. Сначала ей показалось, что Джим спит. Только потом она увидела, что его глаза открыты. Он неподвижно лежал, глядя прямо перед собой, на губах его застыла странная и блаженная улыбка, будто он увидел что-то светлое и прекрасное. Пам щелкнула пальцами перед его лицом, похлопала в ладоши над ухом, дотронулась до щеки — он не реагировал ни на что. Она потрогала рукой воду — та, судя по всему, остыла уже давно. Памела стала разговаривать с Джимом: «Прекрати свои дурацкие шутки! Это не смешно. Вставай скорее, и пойдем спать. Я не могу уснуть без тебя. Ты слышишь?». Но Джим не слышал. Он уже был далеко отсюда. Он был там, где можно отпустить все мысли и страхи и просто улыбаться — странно, безмятежно и вечно…

О том, что было после

Осознавая весь ужас случившегося, и одновременно не осознавая ничего, Памела дрожащими пальцами набрала телефонный номер. Она звонила своему любовнику, Жану де Бертою. По несвязным обрывкам слов и срывающемуся голосу, он понял, что произошло что-то серьезное и очень страшное. Около шести утра он уже был в квартире Моррисона. Внимательно изучив тело, он хладнокровно сказал:

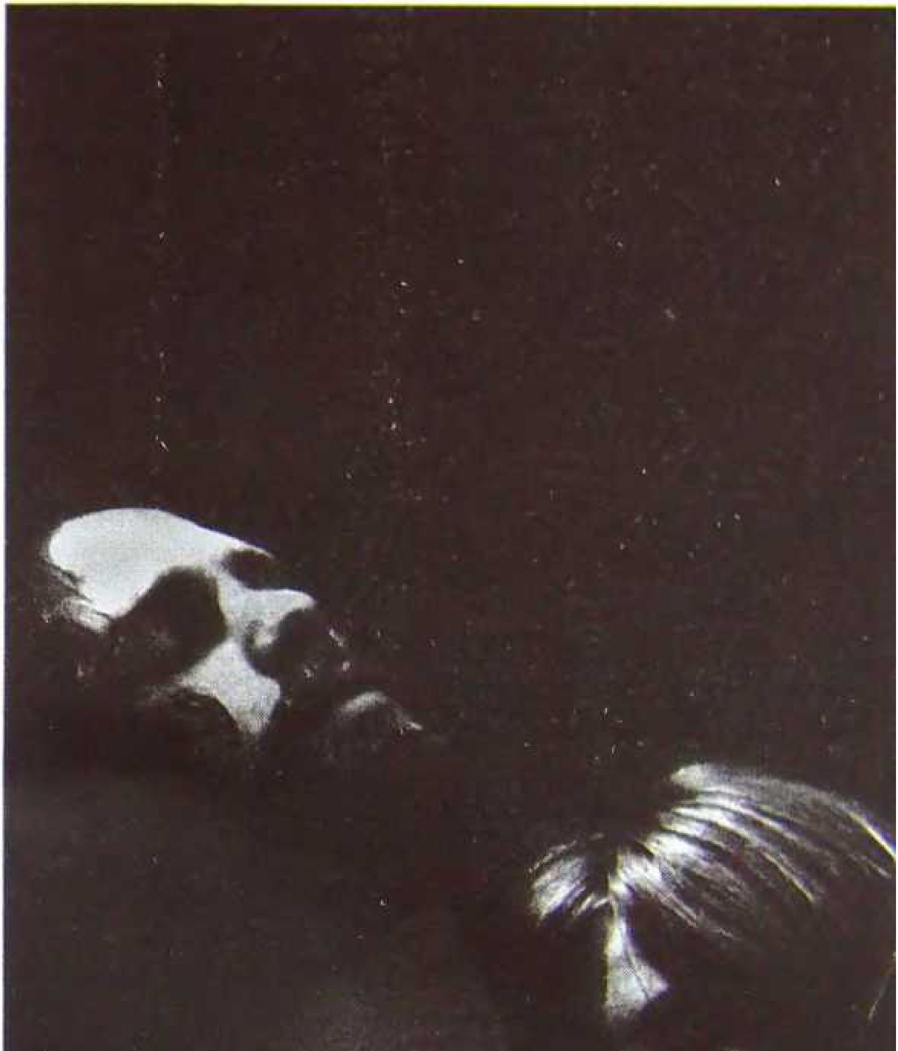
— Детка, мне не нужны лишние проблемы. Легавые и так интересуются мной насчет наркоты. Лучше мне смыться отсюда.

Пам молча закрыла за ним дверь и сухими губами прошептала:

— Ненавижу.

Вторым, кто узнал о смерти Джима, стал его парижский приятель Ален Роней. Он моментально вызвал скорую и полицию. К моменту приезда врачей и полицейских, Памела выбросила в туалет все оставшиеся наркотики, сожгла черновики и книги Моррисона. Она методично уничтожала все, что говорило о нем в этом доме и все, что могло напомнить об аресте в Америке. Осматривая тело, молодой доктор спросил, употреблял ли Джим психотропные вещества. Памела отрицательно покачала головой:

— Нет, он только выпивал. Иногда. Понимаете, он был поэтом! — она подняла на врача полные слез и отчаянья глаза, — Он был великим поэтом! — она зашлась в истерическом припадке.



Мечты сбываются!

Памела Корсон провела двое суток в квартире рядом с телом Джима. Почти все это время она не отпускала его руки, иступлено гладила их, прижимала к мокрым щекам и шептала: «Я люблю тебя. Я так люблю тебя… Скоро, уже совсем скоро мы снова будем вместе».

Похороны были назначены на 7 июля. Это был теплый безветренный день. На погребение не были приглашены ни родственники, ни даже священник.

Лучшей панихидой для Джима стали стихи, которые читали собравшиеся. Их было совсем немного, всего пять человек.

Ни Ротшильд, ни ребята из «Дорз» не приехали почтить память Моррисона. В строгом костюме, который он почти никогда не носил при жизни, он лежал в узком деревянном гробу. Такой неузнаваемый, такой бледный и такой умиротворенный…

Изначально Пам хотела кремировать тело, а прах развеять по ветру, но Роней рассказал ей о кладбище Пер-Лашез, которое когда-то так понравилось Джиму. Вместе они решили исполнить его волю.

Когда Пам увидела, что могила Моррисона рядом с могилой Оскара Уайльда, она горько улыбнулась:

— Надеюсь, это соседство с великим писателем будет в радость музыканту и писателю.

Вместе с Джимом в землю ушли цветы и фотографии Пам — ведь она так хотела быть с ним до последнего дня, до последнего вздоха и даже после.

Jim Morrison

Никто не уйдёт живым

Вокруг смерти Джима Моррисона до сих пор витает множество различных слухов, версий и предположений.

Кто-то связывает его гибель с проблемами Джима с ЦРУ и ФБР. Кто-то говорит, что передозировка была осознанной. Кто-то, как и Патриция Кеннели, уверены в том, что в этой смерти виновна Памела Корсон:

— Да, я верю в то, что это она убила его, и никто никогда не разубедит меня в этом. Непреднамеренно, возможно но, пытаясь привязать его к себе, контролировать или наказать за то, что он оставил ее, — она ведь знала, что он собирался сделать это.

Так ли это или нет, была ли роковая доза героина умышленной или так легли карты — на этот вопрос уже никто не сумеет дать ответа.

25 апреля 1974 года Памела Корсон была обнаружена мертвой. Смерть ее, как и смерть Джима наступила от остановки сердца, вызванной передозировкой героином. Как и Джиму, на момент гибели ей было 27 лет. Знаковые совпадения или чистая случайность? Они оба верили в то, что будут вместе и на этом, и на том свете. Вполне возможно, что так оно и вышло.

Ныне, присно и во веки веков

Джим был первым. В своем призыве к поколению 60-х «творить будущее». В своей бесшабашности и смелости. В своей нещадной борьбе с комплексами общества, наконец.

Он был похож на пламя — манил, обжигал, горел ярко, быстро и дотла. Он поселил огонь в сердцах миллионов. Джим Моррисон продолжает также жить и гореть в памяти людей во всем мире. Живут его песни, живут его книги, живут его стихи. И пускай Памеле не удалось развеять его прах по ветру, но частички души Джима Моррисона навсегда остались витать в воздухе. Ту дверь, которую он открыл, закрыть уже невозможно, и тот огонь, который он разжег, уже не погасить. И сегодня с уверенностью можно сказать — Джим Моррисон не умер 3 июля 1971 года. Бунтарь и провокатор, революционер и шаман, Король Ящерица, поэт и просто романтик, он жив до сих пор. Каждую минуту он продолжает жить в сердцах тех, кто его любит. В сердцах каждого из нас. Ныне, присно и во веки веков. Аминь!

Я вижу себя... огромной огненной кометой, летящей звездой. Все останавливаются, показывают пальцем и шепчут в изумлении: «Посмотрите на это! А потом фьюить, и меня уже нет... и больше они никогда не увидят ничего подобного... и никогда не смогут меня забыть. Никогда!..

Д.Д. Моррисон

Шаман

Скандальная биография Джима Моррисона

Анастасия Руденская

Притча о бунтаре и романтике, зажегшем огонь в сердцах миллионов

Джим был первым. В своем призыве к поколению 60-х «творить будущее». В своей бесшабашности и смелости. В своем стремлении вперед. В своей нещадной борьбе с комплексами общества, наконец.

Он был похож на пламя – манил, обжигал, горел ярко, быстро и дотла. Он зажег огонь в сердцах миллионов. Бунтарь и провокатор, революционер и шаман, Король Ящерица и просто романтик, он пришел в этот мир, чтобы донести до нас слова Великой Истины. Еще один, последний проклятый поэт...

Высокая, бледная, вся в черном, она подошла к нему, держа в тонких, изящных пальцах бокал шампанского...

– Я Патриция Кеннели, журналистка. Могу задать вопрос? – Она посмотрела ему прямо в глаза. На дне ее темных зрачков плескалась тайна, желание и грех. Джим оторопел.

– Да, конечно, задавайте...

– Тебе никто не говорил, что ты похож на молодого Дьявола?

Джим и Пам. Они болтали по ночам, сидели на крышах, мечтали, летали во сне, обнимаясь; летали наяву, держась за руки; смотрели фильмы, читали вслух, считали звезды. Кормили друг друга с ложечки, гуляли до рассвета, провожали закаты, смеялись, грустили, ссорились, мирились, сжигали друг друга и изнемогали друг от друга. Она была его малышкой, его девочкой – самой любимой, самой хрупкой, светлой, чистой, непорочной. Она была его земным ангелом. А он казался ей сильным и мудрым.

С каждым разом концерты «Дорз» все больше и больше напоминали сборы огромной секты. Он в совершенстве научился управлять толпой. Толпа была послушна и податлива. Девушки пытались прорваться сквозь кордон полицейских, в экстазе срывая с себя одежду и бросая на сцену предметы нижнего белья... Все это походило на фарс, на гротеск, и было в этой экзальтации нечто пугающее, нечто не совсем хорошее. Моррисон превращался на сцене не только в Шамана, но и в какой-то мере в диктатора. Он объявлял религией музыку, свободную любовь и все способы расширения сознания, включая сильнодействующие наркотики. А страсть к самоуничтожению он провозгласил высшей добродетелью...

Вокруг смерти Джима Моррисона до сих пор витает множество различных слухов, версий и предположений. Кто-то связывает его гибель с проблемами Джима с ЦРУ и ФБР. Кто-то говорит, что передозировка была осознанной. Кто-то, как и Патриция Кеннели, уверены в том, что в этой смерти виновна Памела Корсон: «Да, я верю в то, что это она убила его, и никто никогда не разубедит меня в этом. Непреднамеренно, возможно, но, пытаясь привязать его к себе, контролировать или наказать за то, что он оставил ее, – она ведь знала, что он собирался сделать это».

ДЖИМ МОРРИСОН НЕ УМЕР 3 ИЮЛЯ 1971 ГОДА, НО КАЖДУЮ МИНУТУ ОН ПРОДОЛЖАЕТ ЖИТЬ В СЕРДЦАХ ТЕХ, КТО ЕГО ЛЮБИТ. В СЕРДЦАХ КАЖДОГО ИЗ НАС. НЫНЕ, ПРИСНО И ВО ВЕКИ ВЕКОВ.

По вопросам оптовой покупки книг издательства «Funky Inc.» обращаться по адресу:
Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 615-43-38, 615-01-01, 615-55-13

ISBN 978-5-903912-68-1
9 785903 912681